59051

АТЕНЕЙ,

ЖУРНАЛЪ

КРИТИКИ, СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРІИ

И

ЛИТЕРАТУРЫ.

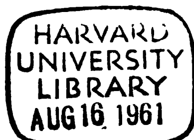
№ 43.

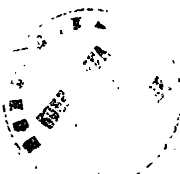
МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ЭРНСТА БАРФКНЕХТА И К°

—

1858.

HARVARD
UNIVERSITY
LIBRARY
AUG 16 1961

О ПРЕПОДАВАНІИ СЛОВЕСНОСТИ ВЪ СРЕДНИХЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЯХЪ.

(По поводу книги г. Смирнова: «Матеріалы для учебной теоріи словесности». Москва, 1858.)

—

Недавно вышла въ свѣтъ книга г. Смирнова, подъ названіемъ: «Матеріалы для учебной теоріи словесности», и, скажемъ откровенно, навѣяла много грусти на насъ своимъ появленіемъ. Въ ней мы видимъ новое доказательство того, что схоластическое преподаваніе словесности въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ еще и въ наше время свирѣпствуетъ во всей своей силѣ. Неужели словесность, какъ наука, осуждена на вѣчную неподвижность въ преподаваніи? Когда же она освободится отъ оковъ схоластики? Вѣдь въ настоящее время почти всѣ понимаютъ, на какихъ основаніяхъ должна преподаваться наука; а между тѣмъ дѣло идетъ все попрежнему. Самъ г. Смирновъ въ предисловіи говоритъ противъ схоластики, а въ книгѣ весь подчиняется ей. Что за странность? Оставляя пока въ сторонѣ сочиненіе г. Смирнова, обратимся къ изложенію причинъ, которыя главнымъ образомъ замедляютъ, или препятствуютъ правильному, живому преподаванію словесности и нѣсколько оправдываютъ возможность появленія и въ настоящее время такой схоластической книги. Причины эти, по нашему мнѣнію, заключаются во-первыхъ въ томъ воззрѣніи на словеснось, какъ науку, которое укоренилось въ воспитателяхъ старой школы; во-вторыхъ, — въ тѣхъ стѣснительныхъ условіяхъ, которымъ долженъ у насъ подчиняться всякій преподаватель въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Выяснимъ сначала настоящую точку зрѣнія на словесность и на способъ ея преподаванія. Подъ словесностью какого бы то ни было народа обыкновенно разумѣется совокупность словесныхъ произведеній, въ которыхъ выражается его умственная дѣятельность. Всѣ они могутъ быть раздѣлены на два разряда: на произведенія поэтическія и прозаическія. Въ первыхъ выражается тотъ идеалъ, которому служитъ народъ въ извѣстный періодъ своего развитія; во вторыхъ — та дѣйствительность, которою окруженъ человѣкъ въ своей жизни. Между дѣйствительною и и идеальною стороной жизни находится самая тѣсная связь, самое живое, непосредственное отношеніе. Развитіемъ одной изъ нихъ обусловливается развитіе другой стороны: такъ извѣстно, что въ первоначальную эпоху развитія, у каждаго народа идеальная сторона оказываетъ вліяніе на развитіе дѣйствительной; а позднѣе беретъ перевѣсъ послѣдняя надъ первой. Далѣе идетъ живая цѣпь взаимнодѣйствія ихъ одной на другую. Безпрестанно смѣняются старыя идеи новыми, а вмѣстѣ съ ними мѣняются и поэтическіе образы. Поэтому и живое изученіе словесныхъ произведеній, въ которыхъ выражается развитіе той и другой стороны жизни народной, становится возможнымъ только на ихъ исторической почвѣ. Слѣдовательно, останавливаться на изученіи какихъ-нибудь словесныхъ произведеній съ тѣмъ, чтобы выводить изъ нихъ правила, или такъ-называемую теорію, для послѣдующихъ произведеній, когда дальнѣйшее развитіе народа еще не прекратилось, кажется намъ дѣломъ совершенно неосновательнымъ. Можно ли предложить правила какъ должно описывать, расказывать, разсуждать, убѣждать, составлять идеалы и выражать ихъ въ словѣ, когда совершенно неизвѣстно кто и о чемъ будетъ расказывать, что̀ описывать, и т. д.? Оно пожалуй и можно, только эти правила окажутся изъ рукъ вонъ пошлыми, похожими на слѣдующее: всякое сочиненіе должно имѣть начало, средину и конецъ. Какъ-будто кто-нибудь въ состояніи начать съ конца! Есть ли хоть въ какой-нибудь другой наукѣ подобное правило? Скажутъ: надо же предписать правила, по крайней мѣрѣ, для того, чтобы выражались всѣ ясно, точно и правильно. Но зачѣмъ? по нашему мнѣнію, вовсе не нужно, потому что безполезно и даже невозможно представить ихъ;

ибо исторія языка насъ убѣждаетъ достаточно, что все то, что прежде было ясно, точно, правильно, стало теперь и не ясно, и не точно, и не правильно, а такой фактъ можетъ повториться и впослѣдствіи. Показать, въ чемъ заключается ясность, точность и правильность выраженія по отношенію къ современному развитію языка, конечно, надо; но объяснить эти свойства возможно лишь на основаніи историческихъ данныхъ: слѣдовательно, всѣ подобныя объясненія не будутъ уже правилами и никакъ не составятъ теоріи слога, а прямо входятъ въ исторію языка. Точно также объяснить описаніе, повѣствованіе, разсужденіе, эпосъ, драму и т. п. опять-таки возможно лишь на историческихъ основаніяхъ, и никакъ нельзя предложить правилъ для каждаго изъ этихъ родовъ и видовъ словесныхъ произведеній. Извѣстно, что не вдругъ образовались проза и поэзія, не вдругъ появились всѣ роды и виды, а развивались постепенно, выраждаясь одинъ изъ другаго при тѣхъ, или другихъ обстоятельствахъ исторической жизни народа. Оттого нѣтъ никакого основанія думать, что они не пойдутъ далѣе въ своемъ развитіи, тѣмъ болѣе, что опытъ постоянно убѣждаетъ насъ въ противномъ; и поэтому всякое усиліе подчинить ихъ извѣстнымъ правиламъ не только тщетно, но даже безумно. Правда, подобная теорія возможна; но лишь для словесности такого народа, котораго историческое развитіе уже кончилось и словесность совершила свое призваніе въ его жизни. Доказательствомъ служитъ теорія Аристотеля, сбившая всѣхъ впослѣдствіи съ толку. На нее слѣдуетъ смотрѣть какъ на конечный, заключительный выводъ изученія словесныхъ произведеній Греціи въ то время, когда изящная словесность закончила свое развитіе. Теорія Аристотеля оправдывается лишь одними греческими произведеніями, какъ теорія Горація—произведеніями римской поэзіи, какъ теорія героической поэмы Тассо (Discorsi del poema eroico) объясняется его же собственнымъ произведеніемъ: «Освобожденный Іерусалимъ», и т. п. Изъ этого выходитъ прямое заключеніе, что сколько есть словесныхъ произведеній, столько можетъ быть и теорій. Поэтому всякое примѣненіе той или другой теоріи къ словесности иного народа, или даже къ послѣдующимъ ея произведеніямъ того же народа, оказывается рѣшительно невозможнымъ. Стóитъ при-

помнить словесность французскую того времени, когда писались теоріи по образцу худо понятаго Аристотеля, чтобы убѣдиться въ ихъ несостоятельности для литературы, развивающейся вмѣстѣ съ историческою жизнью народа. Однимъ словомъ, кто понимаетъ живую, неразрывную связь между историческою жизнью народа и его словесностью, тотъ не возьмется за перо писать какія-то безжизненныя, сухія правила объ описаніи, повѣствованіи, разсужденіи и т. д., и не осмѣлится опутывать схоластическою паутиной живые цвѣты словесности. Послѣ этого понятно, что словесность, какъ наука, должна заключаться не въ кодексѣ какихъ-то безчисленныхъ и пошлыхъ правилъ, а въ непосредственномъ изученіи по самымъ произведеніямъ хода тѣхъ идей, которыми жилъ и живетъ народъ въ своей словесности. Съ этой точки зрѣнія, какъ словесность въ смыслѣ науки, такъ и ея преподаваніе получаютъ живой интересъ въ образованіи человѣка. Взгляните безпристрастно на эту кучу правилъ, которую собралъ въ своихъ «Матеріалахъ» г. Смирновъ: что̀ въ нихъ живаго, дѣльнаго? Всѣ они вертятся около формы словесныхъ произведеній, потому что содержаніе, мысли нѣтъ никакой возможности подчинить правиламъ, да и форма-то ихъ мало слушается: къ чему же они?...

Опредѣливъ точку зрѣнія на предметъ и на способъ его преподаванія, мы опасаемся, что нѣкоторые преподаватели вознегодуютъ на насъ: одни — потому, что имѣютъ совершенно противоположный взглядъ на дѣло; другіе — потому, что находятся подъ вліяніемъ стѣснительныхъ условій, о которыхъ мы скажемъ нѣсколько далѣе. Что̀ касается до первыхъ, то ихъ можно оставить въ покоѣ. Было бы слишкомъ нечеловѣколюбиво съ нашей стороны требовать отъ нихъ, чтобы они отказались отъ тѣхъ убѣжденій относительно языка и словесности, которыя черпались ими такъ любознательно изъ нынѣшнихъ нашихъ граматикъ, риторикъ и курсовъ словесности. Кто привыкъ думать, что граматика учитъ правильно говорить и писать, а риторика съ піитикой и ораторіей — сочинять, то-есть, изобрѣтать, располагать и потомъ выражать мысли такъ, какъ лучше требовать нельзя, тому, конечно, очень больно сознаться, что все это вздоръ, — тѣмъ болѣе, что обо всемъ этомъ было писано не молокососами, а людьми почтенными, заслу-

женными. Скажите-ка имъ, что граматика излагаетъ законы языка, выведенные изъ сравнительно-историческаго изученія его: они или не поймутъ этого хорошенько, или назовутъ васъ, того и гляди, вольнодумцемъ; скажите имъ, что риторика, піитика, стилистика суть тощія чада схоластики: они непремѣнно сочтутъ это чѣмъ-то въ родѣ кощунства. Какъ въ самомъ дѣлѣ, скажутъ они дружнымъ хоромъ, не знать ученику что̀ такое синекдоха, метонимія, усугубленіе, видѣніе, восхожденіе, и т. п.? Не значитъ ли это оставить его совершеннымъ невѣждою въ знаніи словесности?.. Нѣтъ, неправда, господа! Лишиться кому-нибудь изъ васъ этихъ знаній, дѣйствительно значитъ потерять многое изъ своей учености, а ученику даже и не надо знать этого. Что толку въ томъ, что ученикъ наизусть высчитаетъ по порядку всѣ эти тропы и фигуры, рѣшительно не понимая (нерѣдко вмѣстѣ съ своимъ учителемъ), какое они имѣютъ значеніе въ языкѣ, откуда они взялись и какимъ образомъ? Какой смыслъ въ томъ, что ученикъ будетъ полчаса говорить о языкѣ *украшенномъ*, котораго вовсе не существуетъ? Что за надобность знать ученику всѣ роды и виды прозаическихъ и поэтическихъ произведеній, когда онъ не знаетъ, откуда они взялись, какъ образовались? Неужели онъ оттого будетъ образованнѣе?—не думаемъ, если подъ образованіемъ слѣдуетъ разумѣть правильное развитіе умственныхъ способностей, а не знаніе бо̀льшаго или мѐньшаго количества пустыхъ названій изъ той или другой науки. Не лучше ли было бы, еслибъ ученикъ могъ расказать содержаніе того или другаго словеснаго произведенія, сопровождая его сознательнымъ разборомъ историческимъ и критическимъ?.. Впрочемъ, мы и не надѣемся разубѣдить такихъ преподавателей въ неосновательности ихъ воззрѣнія на науку и способъ ея преподаванія. Для насъ гораздо важнѣе удовлетворить отвѣтомъ тѣхъ гг. преподавателей, которые очень хорошо сами понимаютъ въ чемъ дѣло, но сомнѣваются въ возможности избавиться отъ схоластики въ преподаваніи вообще при настоящихъ условіяхъ образованія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Вѣдь еще существуютъ и списки для балловъ, и безпрестанные экзамены, и даже розги... И во всемъ этомъ виновата схоластика, нѣтъ сомнѣнія. Какимъ же образомъ из-

бавиться словесности отъ схоластическихъ пріемовъ? При настоящемъ положеніи дѣла, это, дѣйствительно, нѣсколько трудно. Но самымъ важнымъ препятствіемъ къ тому служатъ программы и руководства, ниспосылаемыя свыше. Будучи твердо убѣждены, что живое, сознательное преподаваніе словесности возможно только тогда, когда преподаватель будетъ свободенъ въ выборѣ той или другой части изъ своего предмета, и притомъ не стѣсненъ никакою мнимою необходимостью пройдти въ годъ именно столько-то, — мы считаемъ самымъ важнымъ шагомъ впередъ уничтоженіе строгой обязательности программъ и плохихъ руководствъ, потому что здѣсь таится зло формализма относительно преподаванія. Объяснимъ это на самыхъ лучшихъ программахъ словесности, изданныхъ для военно-учебныхъ заведеній. Кто не знаетъ, что онѣ составлены превосходно, съ истинно профессорскимъ знаніемъ дѣла? Всякій согласится, что еслибъ онѣ исполнялись какъ слѣдуетъ, то ничего не оставалось бы желать. Но дѣло въ томъ, что нѣтъ никакой возможности исполнить ихъ добросовѣстно самому ревностному преподавателю. Такъ, прочтите любой вопросъ по теоріи поэзіи или по исторіи литературы и сообразите сколько нужно имѣть времени учителю для того, чтобы обработать его самому какъ слѣдуетъ и потомъ передать его въ отчетливомъ, ясномъ изложеніи своимъ воспитанникамъ. Вотъ вамъ вопросъ изъ теоріи эпической поэзіи: «*Видоозмѣненія эпической поэзіи. Поэзія эпическая самородная, или безъискусственная: древнеклассическій эпосъ, восточный, средневѣковой, русскій. Изложить содержаніе главнѣйшихъ поэмъ, относящихся къ этому роду эпоса*». Чтобы дать по возможности краткій отвѣтъ на этотъ вопросъ, слѣдуетъ познакомить воспитанниковъ съ слѣдующими произведеніями (замѣтьте: это *предписывается* конспектами!): съ Иліадой, Одиссеей, Рустемомъ и Зорабомъ, романсами о Сидѣ въ переводѣ Жуковскаго, сказками и пѣснями эпическаго склада по книгѣ Кирши Данилова и по переложеніямъ и сочиненіямъ Жуковскаго и Пушкина. А вотъ вамъ и другой вопросъ изъ теоріи драматической поэзіи: «*Трагедія христіанскаго міра (Лопе-де-Вега, Кальдеронъ, Шекспиръ, Шиллеръ). Содержаніе главнѣйшихъ трагедій Шекспира и Шиллера. Борисъ Годуновъ Пушкина. Содержаніе. Различные*

виды трагедіи въ литературѣ христіанскихъ народовъ». Такихъ вопросиковъ въ программѣ имѣется 28! А въ новой программѣ исторіи русской и иностранной литературы считается 57 вопросовъ, и послѣдній вотъ какой: «*Нѣмецкіе поэты: Клопштокъ, Шиллеръ и Гёте»!..* Каждую изъ этихъ программъ обязывается учитель пройдти непремѣнно въ годъ. Кромѣ того требуются сочиненія отъ воспитанниковъ и переводы съ иностранныхъ языковъ. Учитель долженъ все это пересмотрѣть и поправить, само собою разумѣется, добросовѣстно. Спрашиваемъ: возможно ли учителю со всѣмъ этимъ справиться въ одинъ годъ, заработывая себѣ кусокъ хлѣба уроками по найму въ разныхъ заведеніяхъ? Да можетъ ли прочесть самъ профессоръ основательно все это въ одинъ годъ, съ каѳедры университетской, гдѣ онъ не обязанъ спрашивать своихъ слушателей, знаютъ или нѣтъ они предыдущія его лекціи и ставить баллы?.. Чтó же дѣлать учителю?.. Ясно, поговорить кое-что объ одномъ, кое-что о другомъ. А это *кое-что* возможно только на основаніи прежнихъ учебниковъ, или руководствъ; потому что всякая дѣльная книга здѣсь только собьетъ съ толку преподавателя: прочитавъ дѣльное изслѣдованіе по какому-нибудь отдѣлу словесности, онъ не въ состояніи удержаться не высказать несравненно болѣе, чѣмъ сколько бы нужно было для того, чтобы успѣть пройдти въ годъ предписанное. Естественное дѣло, что въ этомъ случаѣ онъ долженъ прибѣгать къ устарѣлымъ книжонкамъ и по нимъ проповѣдовать свое ученіе. Пройдя вышесказаннымъ образомъ всѣ эти вопросы, по настоящему только тотъ изъ преподавателей можетъ сказать, что исполнилъ свое дѣло добросовѣстно, который никогда не бралъ въ руки ни Шиллера, ни Гёте, ни Шекспира.

Но какъ же было писать подобныя программы для годоваго курса? какъ же требовать отъ преподавателей, чтобъ они успѣвали проходить ихъ въ годъ, когда сами составители пишутъ на нихъ руководства по нѣскольку лѣтъ сряду? Неужели преподаватель долженъ менѣе заниматься для объясненія своей лекціи воспитанникамъ устнымъ образомъ, чѣмъ составитель руководства для написанія своей страницы? Или преподавателю позволительнѣе говорить вздоръ во время объясненія урока, чѣмъ составителю учебника писать подобный вздоръ въ

книгѣ? Но не можетъ быть также и того, чтобы извѣстные намъ ученые составители программъ при составленіи ихъ имѣли въ виду такихъ преподавателей, о которыхъ мы говорили нѣсколько выше. Это было бы крайнею обидой для всякаго изъ преподавателей, сколько-нибудь глубже понимающаго свое дѣло. Наконецъ, такое понятіе о преподавателяхъ совершенно противорѣчило бы той цѣли, съ какою извѣстные ученые взялись за составленіе программъ... Но какъ бы то ни было, добросовѣстное исполненіе ихъ остается дѣломъ невозможнымъ; а формальное ведетъ опять-таки къ схоластицизму и заставляетъ преподавателя опустить руки, отказаться отъ истинно научныхъ занятій и къ 25-лѣтнему сроку отупѣть окончательно, получивши чинъ коллежскаго совѣтника, а пожалуй и статскаго, съ Анною или безъ Анны на шеѣ. Вотъ и вся ученая дѣятельность преподавателя. Какое же послѣ этого можетъ быть движеніе въ образованіи юношества, когда наставники его поставляются въ такую печальную необходимость? Когда мы перестанемъ заботиться о формѣ и обратимся къ мысли, хоть по крайней мѣрѣ въ дѣлѣ воспитанія и образованія юношества?.. Вотъ такимъ-то образомъ и при самыхъ блистательныхъ программахъ преподаваніе поневолѣ остается тѣмъ же сухимъ, безжизненнымъ схоластицизмомъ, какимъ было и прежде. Какъ программы въ военно-учебныхъ заведеніяхъ, такъ точно руководства въ гимназіяхъ отбиваютъ всякую охоту къ дѣлу. Тѣмъ болѣе, что до сихъ поръ нѣтъ ни одного руководства, которое хоть сколько-нибудь удовлетворяло бы современнымъ требованіямъ науки, не исключая, конечно, и «Матеріаловъ» г. Смирнова, которые по истинѣ могутъ быть названы *несвѣжими*.

Итакъ, пока нѣтъ удовлетворительныхъ руководствъ по предмету словесности, не слѣдуетъ стѣснять преподавателей ни программами, ни нелѣпыми учебниками. Пусть каждый преподаватель изберетъ для чтенія то, чѣмъ онъ самъ занимается спеціально. Будучи воодушевленъ своимъ предметомъ, онъ лучше сумѣетъ передать его и увлечь воспитанниковъ къ дѣльнымъ занятіямъ. Онъ хоть сколько-нибудь посѣетъ въ нихъ любви къ наукѣ; а въ этомъ и заключается самый важный задатокъ для ихъ будущаго развитія. Что воспитанники гимназій и корпусовъ, особенно въ высшихъ классахъ, болѣе лю-

бятъ и уважаютъ того преподавателя, который, по ихъ мнѣнію, знаетъ лучше свой предметъ, — это фактъ, не подлежащій никакому сомнѣнію, — и его въ настоящее время не слѣдуетъ выпускать изъ виду всѣмъ, кому дорого отечественное образованіе: имъ надо воспользоваться какъ можно скорѣе. Чтобы поддержать довѣріе воспитанниковъ, учитель долженъ являться въ классъ, вооруженный отчетливымъ знаніемъ и полнымъ сочувствіемъ къ своей лекціи. А для этого необходимо развязать ему руки. Положимъ, что онъ взялся читать лекціи о поэзіи; пусть же онъ читаетъ и разбираетъ тѣ поэтическія произведенія, которыя самъ онъ основательно изучилъ, а не тѣ, которыя предписываются. Отчего, напримѣръ, ему нельзя разбирать нѣсколько времени Гомера, Шекспира, Гёте, Пушкина, Лермонтова, Гоголя, положимъ хоть въ продолженіе цѣлаго года? Развѣ основательное изученіе многихъ произведеній этихъ великихъ поэтовъ будетъ недостаточно? Да по произведеніямъ этихъ поэтовъ можно прочитать цѣлую исторію поэзіи. Разумѣется, преподаватель, и самъ по себѣ, не будетъ входить при изученіи этихъ поэтовъ въ такія подробности, которыя почему-либо останутся недоступными для его слушателей. Всякій преподаватель понимаетъ, что передъ нимъ сидятъ не ученые, а тѣ, которыхъ еще надо учить; стало-быть онъ поневолѣ долженъ ограничиться существенною главною характеристикой каждаго произведенія и поэта — и на это потребно много времени. Важнѣйшая задача заключается въ томъ, чтобы преподаваніе основывалось на хорошемъ критическомъ и историческомъ разборѣ самыхъ произведеній. Нѣтъ нужды, если учитель не успѣетъ въ годъ прочитать о всѣхъ знаменитыхъ поэтахъ, иностранной ли, своей ли словесности: дѣло не въ количествѣ, а въ качествѣ. Скажутъ, такое преподаваніе возможно только въ университетѣ. Неправда: основательное преподаваніе возможно всюду, — какъ въ университетѣ, такъ и въ гимназіяхъ и другихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Университетское образованіе всегда будетъ выше гимназическаго. То, чтò въ гимназіи было усвоено воспитанникомъ въ главныхъ чертахъ, въ университетѣ должно быть развито ему полнѣй и основательнѣй; то, чтò въ гимназіи имѣло характеръ отрывочности, въ университетѣ должно принять строгую систему. Тогда не бѣда,

если воспитаннику не было досказано чего-нибудь даже въ университетѣ: онъ узналъ основательный, вѣрный путь къ дальнѣйшимъ изслѣдованіямъ и легко можетъ доканчивать самъ свое образованіе. Тогда кончившій курсъ гимназіи, прійдя на экзаменъ въ университетъ и объявивъ профессору программу своихъ знаній, не поразитъ послѣдняго такою безсмыслицей въ отвѣтѣ, какую случилось слышать профессору Ешевскому по предмету исторіи. Напрасно думаютъ, что въ гимназіи должны быть разрѣшены всѣ вопросы по какой-нибудь наукѣ: этого не дѣлаетъ и университетъ по той простой причинѣ, что этого сдѣлать невозможно. Безпрестанно являются новые вопросы въ жизни, на которые наука должна отвѣчать основательно; стало-быть всѣхъ ихъ, какимъ бы ни было сокращеннымъ образомъ, не въ состояніи передать ни гимназія, ни университетъ, ни даже всѣ вмѣстѣ взятыя заведенія. Слѣдственно, вся задача образованія заключается въ томъ, чтобы дать правильное развитіе умственнымъ способностямъ человѣка; а это возможно лишь подъ условіемъ основательнаго, а не формальнаго преподаванія какой хотите науки. Все это, конечно, можетъ быть отнесено и къ словесности; поэтому мы и не считаемъ нужнымъ извиняться въ нашемъ отступленіи.

Но обратимся опять къ рѣчи о преподаваніи словесности. При тѣхъ новыхъ условіяхъ, которыя мы изложили нѣсколько выше, преподаваніе необходимо потребуетъ многихъ занятій отъ самихъ преподавателей; а для этого нужно имѣть не только нравственныя, но и матеріальныя средства. Опять слышатся мнѣ голоса: а гдѣ эти средства? дайте намъ ихъ!—Позвольте, сейчасъ. Во-первыхъ считаемъ долгомъ прежде всего замѣтить, что у кого свои собственныя нравственныя средства для научныхъ занятій истощились или сильно поиспортились, тѣ не должны разсчитывать и на матеріальныя. Такъ, нѣкоторые преподаватели, слишкомъ свыкшіеся со старымъ методомъ преподаванія, конечно не могутъ уже приняться за современную науку: они столько лѣтъ ужь учатъ, имъ ли учиться вновь? Въ ихъ кабинетахъ вмѣсто книгъ давнымъ-давно поселился самоваръ съ своими аттрибутами, или что-нибудь другое въ этомъ родѣ; притомъ же они по большей части люди семейные: какъ же имъ удѣлить часть изъ своего скуднаго жалованья на покупку необходимыхъ

книгъ, когда ученыя книги такъ дороги? Но мы опять-таки съ почтеніемъ оставляемъ ихъ въ сторонѣ. Пусть новые преподаватели, или всѣ тѣ, которые слѣдили, сколько могли, за наукой, поведутъ свое дѣло иначе. Ихъ труды и записки могутъ оживить нѣсколько и отсталыхъ товарищей.

Но, пожалуй, кто-нибудь возразитъ: «какъ же довѣриться вашимъ новымъ преподавателямъ? кто ихъ знаетъ? можетъ-быть, они люди неблагонамѣренные? можетъ-быть новые-то преподаватели при такой свободѣ употребятъ во зло довѣріе начальства, и не только не двинутъ дѣло преподаванія впередъ, но и не сдѣлаютъ того, что̀ дѣлали ихъ предшественники?..» Съ своей стороны, эти самые преподаватели требуютъ средствъ матеріальныхъ для того, чтобы продолжать свои занятія наукой. Чтобы согласить между собой съ одной стороны недовѣріе, съ другой — требованіе матеріальныхъ средствъ, мы бы предложили издавать *учебный журналъ* по предмету словесности, въ который, конечно, входили бы только тѣ статьи, или уроки, которые окажутся болѣе достойными; да и нѣтъ надобности помѣщать статьи всѣхъ преподавателей, потому что этотъ журналъ могъ бы служить нѣкотораго рода руководствомъ для всѣхъ учебныхъ заведеній. Тогда и учителя могли бы получать вознагражденіе за свои статьи на общепринятыхъ условіяхъ во всѣхъ журналахъ. А между тѣмъ этимъ средствомъ можно пробудить жизнь въ дѣлѣ преподаванія. Съ одной стороны явится непремѣнно соревнованіе между самими преподавателями; съ другой — возбудится сочувствіе и любознательность въ воспитанникахъ. Кромѣ того, мало-по-малу накопится много данныхъ для изученія словесности, и дѣло преподаванія пойдетъ, можно впередъ сказать, живо и плодотворно. А главное, незамѣтно воспитается, такъ-сказать по преданію, любовь къ научнымъ занятіямъ въ новомъ поколѣніи. Мы не думаемъ, чтобы этимъ изданіемъ можно было устранить необходимость хорошихъ руководствъ, по той простой причинѣ, что дѣльная книга никогда не можетъ быть лишнею; между тѣмъ оно дастъ возможность преподавателямъ не обременять себя огромнымъ количествомъ уроковъ, вслѣдствіе чего откроется болѣе вакансій на учительскія мѣста, которыхъ многіе достойные люди не рѣдко ищутъ по три, по четыре года безуспѣшно, по выходѣ изъ университета. Но съ

другой стороны оно дѣйствительно послужитъ самымъ лучшимъ средствомъ къ устраненію такихъ книгъ, какова книга г. Смирнова: «Матеріалы для учебной теоріи словесности».

Мы не намѣрены вдаваться въ подробное изложеніе всѣхъ ея недостатковъ: они сами собою бросаются въ глаза всякому, кто знакомъ съ настоящими требованіями науки и съ отжившими теоріями, или лучше сказать, тѣми руководствами, которыя ей предшествовали. Въ книгѣ г. Смирнова нѣтъ ничего новаго: она повторяетъ то же самое, только въ болѣе подробномъ схоластическомъ изложеніи. Съ этой точки зрѣнія она представляетъ даже нѣкоторый шагъ впередъ, если только бо́льшую путаницу, доходящую до мельчайшаго формализма, позволительно привѣтствовать такимъ выраженіемъ. Чего въ ней нѣтъ? Въ ней вы найдете и психологію, и логику, и граматику, и стилистику, и теорію прозы, и эстетику, и теорію поэзіи, и теорію критики, и теорію дѣловыхъ бумагъ!—точь въ точь какъ мелочная лавка въ любомъ уѣздномъ городѣ, въ которой продаются и крендели, и огурцы, и конфеты, и деготь, и лапти. Это почти полная энциклопедія теорій словесности на утѣшеніе рутинистамъ-преподавателямъ и на непрестанный плачъ и воздыханіе учащимся. Бѣдные, они должны все это знать, совершенно не понимая для какой надобности. Сколько должны они потратить времени на изученіе этихъ испортившихся матеріаловъ, — и для чего? — для того, чтобы надолго испортить свою молодую голову схоластическимъ взглядомъ на науку! Право, жаль молодое поколѣніе, если будутъ вести его на пути образованія съ помощью подобныхъ книгъ.

Н. Некрасовъ.

ПОПУЛЯРНЫЯ СОЧИНЕНІЯ ПО ЧАСТИ БОТАНИКИ.

Въ наше положительное время, между писателями больше ученыхъ, нежели беллетристовъ, и наука вошла до такой степени въ жизнь просвѣщенныхъ народовъ, что образовалась особая, учено-народная, популярная литература. Эта новая отрасль литературы особенно развилась въ Германіи. Прежде чѣмъ говорить о причинахъ такого явленія, постараемся уяснить себѣ въ чемъ именно состоитъ популярное или, какъ говорятъ — впрочемъ довольно неправильно, — *общепонятное* изложеніе.

Популярнымъ собственно называется не только такое сочиненіе, которое написано ясно и для всѣхъ понятно, но которое привлекаетъ читателя изящностью языка и художественностью въ расположеніи самаго содержанія.

Основателемъ учено-популярной литературы въ настоящемъ смыслѣ слова можно считать Александра фонъ-Гумбольдта, котораго *Картины природы* * появились еще въ 1808 году. Правда, французскіе ученые всегда писали такимъ яснымъ и изящнымъ языкомъ, даже при изложеніи весьма спеціальныхъ предметовъ, что всенародному распространенію ихъ книгъ скорѣе препятствовала дороговизна изданій и сравнительно малое число читающихъ. Германія же, никогда не отличавшаяся общепонятностью своихъ сочиненій, только въ новѣйшее время прибѣгла къ популярной литературѣ, но зато она и развилась тамъ въ обширнѣйшихъ размѣрахъ.

---

* A. v. Humboldt, Ansichten der Natur. I. B. Tübingen, 1808, и его же Essai sur la géographie des plantes, accompagné d'un tableau physique des régions équinoxiales. Paris, 1805, in 4^{0}, и еще брошюра: Ideen zu einer Physionomik der Gewächse. Tübingen, 1806.

Надо однакоже сказать, что между этими популярными нѣмецкими книгами есть много такихъ, которыя вовсе не заслуживаютъ этого названія.

Цѣль учено-популярныхъ сочиненій заключается въ томъ, чтобы облегчить распространеніе научныхъ свѣдѣній. Этой цѣли авторы достигаютъ различными путями. Одни вполнѣ излагаютъ предметъ своихъ спеціальныхъ занятій, и если изложеніе это соединяетъ въ себѣ тѣ качества, о которыхъ мы говорили, то популярное сочиненіе такого рода всего болѣе соотвѣтствуетъ своему назначенію и удовлетворяетъ потребностямъ любознательнаго большинства. Этимъ объясняется почему книги, написанныя даже и не съ большимъ искусствомъ, выдерживаютъ большое количество изданій. Другіе выбираютъ одну какую-нибудь часть своего предмета, или съ особою цѣлью излагаютъ лишь нѣсколько главъ науки, по своему усмотрѣнію, стараясь, чтобы изъ этихъ главъ читатель вынесъ какую-нибудь одну общую идею. Нѣкоторые соединяютъ въ своемъ изложеніи нѣсколько разныхъ отраслей науки вмѣстѣ; есть также книги, содержащія въ себѣ описаніе и изъясненіе одного какого-нибудь ряда явленій, одной стихіи, напримѣръ; есть наконецъ такія, въ которыхъ фантазіи писателей относительно выбора предметовъ выходятъ ихъ всякихъ границъ. . .

Мы перечислили различныя категоріи популярныхъ сочиненій такъ-сказать по старшинству не только значенія ихъ, но и пользы въ примѣненіи; теперь обратимся къ самому предмету.

Мы сказали, что французскіе ученые издавна отличались простотой и популярностью изложенія, — примѣромъ тому можетъ служить старый Бюффонъ. Пріемы этого знаменитаго натуралиста заключаются въ томъ, что онъ начинаетъ обыкновенно каждую статью величавыми общими возгласами, весьма нравившимися читателямъ его времени. Въ этихъ приступахъ Бюффонъ, ради риторики, часто выражаетъ мысли не только невѣрныя, по отношенію къ совокупности знаній той эпохи, но даже не согласныя съ его собственными серьёзными воззрѣніями.

Одинъ остроумный писатель новѣйшаго времени, отдавши должную дань удивленія Одюбону, говоритъ: «Это ужь не графъ де-Бюффонъ, начисто выбритый, расчесанный, распудренный,

съ широкимъ жабо на груди и со шпагою при бедрѣ, который, усѣвшись передъ своимъ бюро, хладнокровно злобствуетъ на тигра, и рукою, увѣнчанной кружевомъ, передаетъ потомству звучныя фразы».

«Единственный инстинктъ тигра, повѣствуетъ графъ, состоитъ въ постоянномъ бѣшенствѣ, свирѣпой злобѣ, ничего не различающей и заставляющей его нерѣдко пожирать собственныхъ дѣтей и растерзывать мать, которая силится защитить ихъ. Пусть бы ужь жажда эта къ собственной крови была доведена въ немъ до крайности, пусть бы тогда утолилъ онъ ее уничтоженіемъ всей породы чудовищъ, имъ производимыхъ!..» [1])

Но здѣсь не мѣсто критически разбирать Бюффоново твореніе. Мы хотѣли указать только на способъ его изложенія, которое тамъ, гдѣ авторъ не увлеченъ риторикой, отличается большою заманчивостью до сихъ поръ. Кромѣ того, Естественная Исторія Бюффона потому уже имѣетъ право быть поставленною во главѣ популярныхъ сочиненій по части естествознанія, что она впервые пробудила въ просвѣщенномъ обществѣ вкусъ къ ближайшему познанію природы. Большія in-quarto, съ многочисленными гравюрами, встрѣчались даже въ глуши степныхъ нашихъ деревень, на полкахъ иныхъ помѣщиковъ, тому назадъ лѣтъ пятьдесятъ и больше.

Цѣль Бюффона, впрочемъ, вовсе не состояла въ томъ, чтобы опопуляризировать науку, тѣмъ болѣе, что на однѣхъ съ нимъ страницахъ трудолюбивый Добантонъ подробно описывалъ анатомическое строеніе животныхъ. Въ твореніи Гумбольдта [2]), напротивъ, видно явное намѣреніе сдѣлать науку общимъ достояніемъ. Знаменитость геніальнаго автора и неоспоримый литературный талантъ его скоро вызвали толпу подражателей, и вотъ явилась цѣлая учено-популярная литература.

Шлейденъ, говоря о способѣ изложенія новѣйшихъ ботаниковъ, сердится на нихъ за то, что они вводятъ *личности* въ свои сочиненія. «Въ наукѣ, говоритъ онъ, нѣтъ формы хуже тѣхъ писемъ, изъ которыхъ открывается, что авторъ, будучи студентомъ, страдалъ отъ бѣдности, — что̀ должно̀ интересо-

---

[1]) Histoire Naturelle, générale et particulière etc. Amsterdam. 1751. T. IX. p. 59.

[2]) *Картины природы*, вѣроятно извѣстныя читателю изъ русскаго перевода.

вать развѣ только коммиссію о вспоможеніи неимущимъ. Или: что онъ, во время своихъ ботаническихъ экскурсій, ѣлъ много форели, гдѣ она лучше и гдѣ дороже... Если, среди величавыхъ картинъ Кордильеръ, намъ живо и внезапно представляется личность *Гумбольдта*, то мы охотно отклоняемся съ прямаго пути розысканій,—намъ сопутствуетъ *Гумбольдтъ*, присутствіе котораго еще возвышаетъ величіе природы. Тѣмъ же, которые силятся передразнивать стиль и манеры *Гумбольдта*, можно только сказать съ Виргиліемъ: quod licet Jovi non licet bovi». [1])

Но если дѣйствительно нѣкоторые изъ писателей грѣшатъ разными недостатками, кромѣ даже указанныхъ Шлейденомъ, то, въ несчетномъ количествѣ популярныхъ книгъ, которыми особенно надѣляетъ насъ Германія, встрѣчается не мало сочиненій, достойныхъ всякой похвалы.

Мы намѣрены обратить вниманіе только на нѣкоторыя, и во избѣжаніе сбивчивости расположимъ ихъ по предметамъ. Начнемъ съ Географіи Растеній, какъ предмета, созданнаго творцомъ учено-популярной литературы, Гумбольдтомъ.

Лучшими и полнѣйшими по этой части можно считать сочиненія Мейена [2]) и Рудольфа. [3])

Первое заключаетъ въ себѣ все, что̀ касается до распредѣленія растеній по земному шару: то-есть, не только картину растительности всѣхъ поясовъ, но и разборъ климатическихъ условій, имѣющихъ вліяніе на это распредѣленіе, съ прибавленіемъ свѣдѣній о главнѣйшихъ воздѣлываемыхъ (культурныхъ) растеніяхъ. Второе представляетъ картину растительности и культурныя растенія. Сочиненіе Мейена служило основою для большей части послѣдующихъ, не исключая и Рудольфа: мы могли бы указать на выписки изъ этой книги, повторяющіяся у трехъ и даже четырехъ авторовъ. [4])

---

[1]) Schleiden's Grundzüge der wissenschaftlichen Botanik. Leipzig. 1849. T. I. p. 159.

[2]) Grundriss der Pflanzengeographie etc. von Meyen. Berlin 1836. Сочиненіе это устарѣло теперь, особенно въ общей своей части.

[3]) Die Pflanzendecke der Erde. Populäre Darstellung der Pflanzengeographie etc. von Rudolph. Berlin. 1853.

[4]) Такъ, напримѣръ, картина урагана въ экваторіальномъ лѣсу, мастерски

Гумбольдтъ, съ обычною проницательностью своею, начерталъ смѣлою кистью и яркими красками нѣсколько растительныхъ *физіономическихъ формъ*, особенно способствующихъ къ характеристикѣ пейзажа. Это тотчасъ подало поводъ къ образованію въ наукѣ особаго отдѣла, подъ названіемъ *физіономики растеній**, составляющаго теперь часть географіи прозябаемаго царства. Дѣйствительно, если вдругъ, силою фантазіи, вызвать передъ собою разнообразныя растительныя формы, то изъ нихъ особенно вырѣжутся именно тѣ, на которыя указалъ знаменитый старецъ.

Такъ,— въ нашихъ сѣверныхъ и умѣренныхъ странахъ, гдѣ, какъ вездѣ, деревья играютъ такую важную роль въ пейзажѣ, невольно различаешь чернолѣсье отъ бора: широколиственныя деревья (чернолѣсье) съ кудрявыми, разнообразными вершинами, съ опадающими листьями, которые шепчутся, трепещутъ, или шумятъ при вѣтрѣ, — представляютъ разительную противоположность съ хвойнымъ лѣсомъ (краснолѣсье, боръ), темнымъ и однообразнымъ, съ вѣтвями, расположенными по большей части весьма правильно: — боръ издаетъ смолистый ароматъ, глухо гудитъ и стонетъ при вѣтрѣ.

Не менѣе характерны деревья болѣе теплыхъ странъ, съ блестящею, жесткою листвою, никогда вполнѣ не отпадающею, нерѣдко напоенною летучими веществами, издающими сладкій ароматъ: таковы померанцы, лавры....

Въ жаркихъ странахъ поражаетъ своею особенностью форма пальмъ. Стройныя колонны стволовъ ихъ, безъ листьевъ и вѣтвей, то гладкія, усаженныя вѣтвями, увѣнчаны громадными пучками вѣерныхъ или перистыхъ листьевъ, изъ-подъ которыхъ висятъ чудовищной величины плоды или кисти плодовъ, вѣсящія иногда пудъ и болѣе.

написанная Мейеномъ, бывшимъ въ Бразиліи, повторена Рудольфомъ, Гартингомъ въ его Skizzen aus der Natur (Leipzig, 1854) и Карломъ Миллеромъ въ его Buch der Pflanzenwelt (Leipzig 1857.)

На русскомъ языкѣ существуетъ популярное изложеніе географіи растеній, составленная пишущимъ эти строки, преимущественно по А. Декандолю и Рудольфу (Вѣстникъ Императорскаго Русскаго Географическаго общества 1856 г.).

* Über Pflanzenphysiognomik im allgemeinen und diejenige der Insel Java von H. Zollinger. Zürich, 1855.

Ліаны, или вьющіяся растенія, не менѣе пальмъ сообщаютъ особенности тропичнымъ лѣсамъ. Наши жидкія повилики, даже плющи и дикій виноградъ, даютъ лишь слабое понятіе о ліанахъ жаркаго пояса. Тамъ путаются онѣ непроходимою сѣтью; крѣпкіе, деревянистые стебли ихъ перебѣгаютъ, подобно корабельнымъ канатамъ, съ дерева на дерево; только тамъ и сямъ выпускаютъ онѣ пуки яркихъ листьевъ, огненныхъ или золотыхъ цвѣтовъ. А вьющіяся пальмы! горе неопытному, который неосторожно ступитъ на подобный стволъ: шипы ихъ, какъ острые кинжалы, способны наносить глубокія раны. Эти пальмовыя стебли, неимовѣрной длины, такъ крѣпко связываютъ деревья между собою, что нерѣдко поддерживаютъ въ стоячемъ положеніи погибшіе и давно изсохшіе пни.

Рѣзко характерное разнобразіе придаютъ лѣсамъ жаркихъ странъ безчисленныя чужеядныя растенія. Орхидеи, съ великолѣпными, яркими цвѣтами, которыя гнѣздятся во всѣхъ развилинахъ гигантскихъ фиговыхъ и другихъ деревъ;—свинцово-сѣрыя, или серебристыя тилляндзіи, которыя нерѣдко одѣваютъ деревья отъ основанія до верхушки и висятъ огромною бахрамой, качаясь по вѣтру, какъ серебристые кудри таинственнаго царя лѣснаго. Въ числѣ чужеядныхъ поражаетъ удивленіемъ цвѣтокъ раффлезіи, безъ стебля и листьевъ, какъ грибъ, выростающій на стволахъ яванскихъ деревъ и достигающій четырехъ футовъ въ поперечникѣ.

Между характерными формами Америки особенно замѣчательны кактусы, растущіе дико только тамъ* и такъ прекрасно описанные Шлейденомъ на нѣсколькихъ страницахъ. Странными наплывами, колючими шишками, нагими фантастическими канделабрами, высятся они на сухой почвѣ, храня свѣжесть и влагу подъ суровымъ покровомъ въ то время, когда все кругомъ изсушено тропическимъ солнцемъ — и развертываютъ огненные или бѣлые цвѣты, которые издаютъ сильный ароматъ.

Вспомнимъ также міръ водяныхъ растеній, міръ прибрежныхъ и луговыхъ травъ.

Наша милая бѣлая Нимфа и желтый кувшинчикъ даютъ лишь слабое понятіе даже о каспійской водяной розѣ, еще менѣе о

---

* Кактусы Испаніи и сѣверной Африки развелись отъ вывезенныхъ изъ Америки.

великолѣпной викторіи, дремлющей на водахъ Ориноко, на черныхъ струяхъ Ріо-Негро или на желтоватыхъ волнахъ Амазонки,—а въ океанѣ цѣлыми необозримыми равнинами и островами зеленѣютъ листовыя пластины водорослей, задерживающихъ плаваніе судовъ и удивлявшихъ еще Колумба и его спутниковъ.

Кромѣ тѣхъ, которыхъ мы здѣсь коснулись, есть еще нѣсколько физіономическихъ растительныхъ группъ, принятыхъ Гумбольдтомъ и Мейеномъ: мимозовыя съ листвою, легкою какъ кружево, плавающею въ синевѣ неба на тончайшихъ вѣтвяхъ, банановыя, алойныя.... Но для того чтобы составить себѣ понятіе о значеніи физіономики растеній, достаточно и тѣхъ немногихъ очерковъ, которые мы предложили читателю.

Познакомимъ его только съ небольшимъ образчикомъ картиннаго представленія растительности, и для этого возьмемъ у Рудольфа * очеркъ равнины Гвадалквивира. Описавъ однообразіе сосѣдняго хребта Сіерры-Морены, авторъ говоритъ:

«Но съ послѣдняго уступа этихъ однообразныхъ горъ, взоръ падаетъ на благоухающую равнину Гвадалквивира. Изъ печальной пустыни попадаешь вдругъ въ долину, гдѣ соединено все богатство южно-европейской флоры, въ смѣшеніи съ нѣкоторыми формами, напоминающими даже о тропикахъ. Померанцевыя рощи переходятъ въ каштановые перелѣски, почва которыхъ покрыта душистыми фіалками; прелестнѣйшій рододендръ, съ крупными красными цвѣтами и блестящими листьями, самый красивый изъ южно-европейскихъ кустарниковъ, повсюду осѣняетъ струи потоковъ; американскія агавы и колючіе кактусы непроницаемой стѣной окружаютъ поля; стелющаяся пальма, вышиною отъ 3 до 4 футовъ, покрываетъ мѣстами большія пространства и широкими вѣерными листьями своими придаетъ картинѣ нѣчто особенно странное. Легко и горделиво подымается тамъ и сямъ финиковая пальма, бросая легкую тѣнь отъ своей увѣнчанной перьями главы; на поляхъ, искусственно орошенныхъ, произрастаютъ сахарный тростникъ и хлопчатобумажникъ. Благовонный нарциссъ, съ крупными золотыми цвѣтами, и множество красивыхъ луковочныхъ украшаютъ луга.»

* Die Pflanze und ihr Leben.

Обратимся теперь къ ботаникѣ вообще. Тутъ можемъ мы располагать огромнымъ количествомъ книгъ, между которыми первое мѣсто занимаетъ: «Растеніе и его жизнь», Шлейдена, извѣстное читателямъ нашимъ изъ русскаго перевода. Въ этомъ сочиненіи живо и ясно переданы главнѣйшія черты строенія и жизни растеній, указана цѣль науки и средства ею употребляемыя. Между остальными книгами, по простотѣ и легкости изложенія, занимаютъ первое мѣсто французскія сочиненія; но здѣсь, на бѣду, содержаніе большею частью далеко не соотвѣтствуетъ формѣ.

Отличительный недостатокъ французскихъ ученыхъ писателей есть часто совершенное незнаніе иностранной литературы, въ особенности нѣмецкой. Слѣдствіемъ этого выходитъ, что французскія книги, при многихъ спеціальныхъ достоинствахъ, обыкновенно не содержатъ въ себѣ того, что̀ составляетъ уже достояніе науки, и часто проповѣдуютъ давно оставленныя теоріи. Возьмемъ въ примѣръ хоть послѣднее сочиненіе академика Пейе (Payer), весьма извѣстнаго своими обширными учеными трудами.

Сочиненіе это написано такъ ясно, что не смотря на назначеніе его служить учебникомъ, оно далеко превосходитъ въ этомъ отношеніи *популярныя нѣмецкія ботаники*, и читается весьма легко.

Первая часть ботаники Пейе (а второй мы до сихъ поръ еще не видали) заключаетъ въ себѣ *органографію растеній*. Многіе знаменитые авторы оставили даже и самое это названіе. Цѣль этой части ботаники — *изучить значеніе и формы разныхъ орудій или органовъ растеній*. Но тутъ является сейчасъ вопросъ: въ какомъ отношеніи слѣдуетъ изучать эти органы? Въ этомъ-то и задача настоящаго ученаго. Пейе, очевидно, не задавалъ ея себѣ: онъ толкуетъ объ органахъ растеній во всѣхъ отношеніяхъ и въ особенности налегаетъ на практическую сторону ради популярности. Тѣ же, которые поступаютъ съ ботаникой какъ съ наукой, нашли, что органографія, называемая ими *морфологіей*, *должна открыть законы*, *которымъ повинуются формы растеній*, законы растительной архитектоники, и поэтому *значеніе органовъ искать въ признакахъ формъ*, *признакахъ морфологическихъ*. Иначе, одинъ и тотъ же органъ

въ разныхъ случаяхъ прійдется называть разными именами, какъ то дѣлается въ простонародьи и у Пейе. Такъ напримѣръ, по мнѣнію Пейе, вѣрнѣйшій способъ отличить стебель отъ корня состоитъ будтобы въ томъ, что корень никогда не даетъ листьевъ и вѣтвей, а изъ этого окажется, что многія деревья вовсе лишены корня, ибо корни ихъ весьма часто даютъ почки, превращающіяся въ вѣтви съ листьями. И такая нелѣпость выставлена у автора въ первомъ параграфѣ! Не въ правѣ ли послѣ этого всякій закрыть книгу, не въ правѣ ли всякій сказать, что если ботаника, послѣ столѣтнихъ трудовъ, дошла до такихъ результатовъ, то нельзя отъ нея ожидать ничего дѣльнаго. Многіе называютъ въ растеніяхъ плодомъ все то, чтò мясисто и чтò ѣдятъ, такъ же какъ Пейе хочетъ увѣрить, чтò все подымающееся въ растеніи кверху, или, какъ онъ говоритъ, къ небу, есть стебель, а чтò идетъ книзу, то корень. По первому опредѣленію, картофель, яблоко, цвѣточная головка артишока, корневая шишка земляной груши, и проч., суть плоды; по второму—висячіе и подземные стебли суть корни, а корни, направляющіеся нерѣдко вверхъ, у чужеядныхъ растеній, — стебли.

Такого-то рода грубыми ошибками наполнена книга Пейе. Значеніе органовъ вовсе не опредѣлено рѣзкимъ образомъ, такъ что по прочтеніи сочиненія, читатель остается при своихъ познаніяхъ, почерпнутыхъ имъ случайно изъ природы, лишь съ прибавкою нѣсколькихъ заблужденій. О законахъ растительной архитектоники Пейе говоритъ мало; о метаморфозисѣ растеній едва упоминаетъ, но распространяется нѣсколько о правильности листорасположенія, при чемъ онъ принимаетъ ученіе о листорасположеніи совершенно законченнымъ, и тѣмъ вводитъ читателя въ заблужденіе.

Одною изъ главнѣйшихъ нелѣпостей у Пейе можно считать его способъ изложенія: il ne doute de rien, ему море по колѣно. Самымъ рѣзкимъ тономъ говоритъ онъ о предметахъ далеко не дознанныхъ. Такъ напримѣръ, въ статьѣ о морфологическомъ значеніи пестика, авторъ приводитъ много примѣровъ, слѣдуетъ, повидимому, методу истинно аналитическому, а въ сущности это рядъ афоризмовъ, безъ малѣйшихъ доказательствъ. Доказательства Пейе состоятъ въ слѣдующихъ фразахъ: *такъ*

какъ разсматриваемая часть *очевидно* стеблеваго или листоваго происхожденія, *то* и проч. Но въ чемъ состоитъ очевидность, не извѣстно.

Прибавимъ ко всему этому, что книга Пейе составлена чрезвычайно небрежно. Прекрасные и многочисленные политипажи мѣстами изображаютъ вовсе не то, что подъ ними подписано. Такъ на стр. 102 подъ № 160 нарисованъ пучекъ цвѣтовъ одного изъ видовъ дикой вишни (Cerasus Mahaleb), а подписано по-латыни *Prunus Padus*, то-есть черемуха, по-французски Corymbe de Prunus Padus, *коримбъ черемухи,* тогда какъ очень хорошо извѣстно, что у черемухи цвѣторасположеніе не коримбомъ, а кистью. На той же страницѣ, подъ изображеніемъ красной смородины (№ 157), подписано: кисть смородины (Groseillier), а по-латыни: Ribes Grossularia, названіе крыжовника.

Можно ли послѣ этого довѣриться автору, можно ли книгу его предлагать ученику? а Пейе читаетъ публичныя лекціи въ Сорбоннѣ!

Лучшими ботаническими книгами на французскомъ языкѣ остаются до сихъ поръ сочиненія покойнаго Альфреда Пирама Декандоля и сына его Альфонса. Оба извѣстны многочисленными учеными трудами, но я разумѣю здѣсь только тѣ изъ ихъ твореній, которыя назначены для изученія общихъ началъ ботаники [1]) и написаны прекраснымъ языкомъ. Многое въ нихъ устарѣло, многое совершенно ошибочно, но они содержатъ въ себѣ массу любопытныхъ фактовъ и очень пригодны къ тому, чтобы познакомить читателя, если не съ наукой въ строгомъ смыслѣ, то, по крайней мѣрѣ, съ растеніемъ.

Можно еще назвать здѣсь сочиненіе Августа Сентъ-Илера [2]), въ которомъ съ любовью описаны формы растеній и разобрано значеніе частей. Конечно, и тутъ много ошибокъ, и тутъ все болѣе или менѣе поверхностно, но по крайней мѣрѣ нѣтъ такого грубаго незнанія.

---

1) Organographie, 2 vol. in 8°. Paris 1828 et 1831. Physiologie, 3 vol. in 8°. Paris 1832. Introduction à l'étude de le Botanique, par Alphonse De Candolle, Bruxelles 1837.

2) Leçons de Botanique par Auguste Saint-Hilaire. Paris 1847.

Учебникъ покойнаго Адріена Жюссьё * назову здѣсь потому, что онъ, безъ сомнѣнія, выше книги Пейе, а между тѣмъ Пейе хотятъ переводить на русскій языкъ! Мы считаемъ себя обязанными предупредить противъ него русскую читающую публику.

Упомянутыя нами книги, собственно говоря, не принадлежатъ къ числу настоящихъ популярныхъ, но изложеніе ихъ несравненно общепонятнѣе и изящнѣе большей части нѣмецкихъ, такъ-называемыхъ популярныхъ сочиненій.

Между новѣйшими популярными ботаниками во Франціи слѣдуетъ указать на Ле-Мау (Le Maout). Изъ многочисленныхъ его сочиненій, лучшимъ кажется можно считать ту ботанику, которая составляетъ часть сочиненія, озаглавленнаго: Les trois règnes de la nature, Paris 1852. Сочиненіе это украшено превосходными политипажами, гравюрами на деревѣ и менѣе удачными иллюминованными картинками.

Очень игриво написанное предисловіе, въ видѣ письма къ Адріену де-Жюссьё, заключаетъ въ себѣ объясненіе цѣли автора — популяризовать ботанику, облегчить способы къ изученію растеній. За тѣмъ онъ тотчасъ же высказываетъ крайне неосновательныя идеи. Онъ не намѣренъ заниматься трансцендентальною ботаникой, тайны которой доступны лишь однимъ ученымъ по призванію. Онъ не намѣренъ вникать и въ физіологію, не желаетъ вмѣстѣ съ ученымъ, вставшимъ до разсвѣта, восхищаться проростаніемъ *споры* какого-нибудь тайнобрачнаго; онъ не желаетъ также спускаться въ нѣдра земли, съ ботаникомъ геологомъ, ни даже философствовать надъ составленіемъ системъ растительнаго царства. Чего же хочетъ нашъ авторъ? «Все это, говоритъ онъ, *царская забава* (plaisirs de princes); я же долженъ заняться здѣсь лишь тѣми удовольствіями, которыя дозволены *мелкой черни* (tourbe menue), то-есть тѣми, которыя доставляютъ *собираніе*, *сушеніе* и *опредѣленіе растеній*.»

При этомъ авторъ проситъ у Жюсьё слѣдующаго оригинальнаго позволенія: «Позвольте мнѣ, милостивый государь, раздѣ-

* Cours élémentaire d'Histoire naturelle. *Botanique* par Adrien de Jussieu. Paris.

лить васъ на двѣ, совершенно разныя между собою личности: на *ученаго* и *литератора*. Обращаюсь ко второму. Смотрите на ботанику только съ ея литературной стороны, вспомните радости, сопровождавшія первые шаги ваши въ царствѣ растеній.»

Послѣ такого воззванія, Ле-Мау очень мило описываетъ восторги и стремленія ботаника-собирателя. Въ описаніяхъ этихъ сочинитель не только прозою, но и стихами налегаетъ на *поэзію ботанической терминологіи*, на *прелесть воспоминаній*, соединенныхъ съ пересмотромъ гербарія, на восхищеніе, наполняющее душу ботаника при отысканіи *новаго вида или рода* растеній; но *улучшеніе*, предлагаемое имъ для облегченія науки, состоитъ лишь въ передѣлкѣ многихъ некрасивыхъ именъ растеній — вотъ и все!

Чему же, спрашивается, хочетъ Ле-Мау научить профановъ? Намъ кажется, что вся его цѣль заключается въ томъ, чтобы прилично меблировать память читателя хорошенькими названіями растеній; чтобы около звучныхъ историческихъ именъ, украшающихъ голову каждаго благовоспитаннаго человѣка, были еще звучныя и гармоническія имена тѣхъ деревъ, кустарниковъ и травъ, которые встрѣчаются въ нашихъ поляхъ, цвѣтникахъ и оранжереяхъ.

Претензія, какъ видно, небольшая; тутъ, слѣдовательно, должно искать не науки, а только забавы, въ соединеніи съ нѣкоторыми любопытными придаточными свѣдѣніями. Книга Ле-Мау походитъ на тѣ игрушечныя дѣтскія карточки, на которыхъ есть и маленькія географическія карты, и которыя сдѣланы съ тѣмъ, чтобы дитя *играючи* могло запомнить кое-что полезное. Это доказываютъ и самые политипажи, изображающіе, впрочемъ весьма вѣрно, цвѣты или вѣтви съ цвѣтами и плодами вмѣстѣ, такъ однакоже, что нельзя видѣть ясно ни числа, ни положенія различныхъ частей: однимъ словомъ, анализовъ нѣтъ вовсе.

Все сочиненіе, не смотря на общность своего заглавія, заключается въ описаніи семействъ однихъ цвѣтковыхъ растеній: тайнобрачныя едва упомянуты. Описанія состоятъ въ краткой и сухой характеристикѣ семействъ, въ перечисленіи красивыхъ и полезныхъ растеній и означеніи ихъ употребленія.

Достоинство книги заключается въ томъ, что по ней можно

отыскать мѣсто, занимаемое растеніемъ въ естественной системѣ, когда извѣстно имя самаго растенія. Если требуемое растеніе окажется въ книгѣ, то тутъ же отыщется и его значеніе въ хозяйствѣ человѣка: садовое ли оно, аптечное, хлѣбное или какое другое. Ле-Мау сумѣлъ придать интересъ своему сочиненію посредствомъ разныхъ историческихъ свѣдѣній касательно важнѣйшихъ растеній, въ садоводствѣ или земледѣліи, въ медицинѣ или въ торговлѣ, и проч. Тутъ найдете извѣстія о времени введенія въ наши сады георгинъ, объ открытіи цѣлебныхъ свойствъ хины и о ея собираніи, исторію кофе, чая, и проч. Подобныя свѣдѣнія составляютъ лучшую часть книги, потому что они дѣйствительно любопытны и не безполезны; притомъ же авторъ нашъ расказываетъ все это очень ясно, живо и нерѣдко забавно.

Вотъ, напримѣръ, какого рода расказами Ле-Мау занимаетъ своихъ читателей.

«Франція обязана распространеніемъ въ ней картофеля ученымъ трудамъ и неистощимой дѣятельности Пармантье. Онъ первый сообразилъ всю важность этого растенія и обратилъ на него вниманіе короля Людовика XVI. Чтобы привлечь на сторону скромныхъ, но питательныхъ шишекъ *моду*, эту царицу, которой нерѣдко поклоняются и сами цари, король явился однажды на балѣ, съ букетомъ картофельныхъ цвѣтовъ. Всѣ обратили на него вниманіе, любовались нѣжными вѣнчиками и красиво-разрѣзнымъ листомъ; вельможи поспѣшили подражать королевской фантазіи; картофель былъ допущенъ въ ихъ сады, но оставался тамъ забытымъ, прозябая незамѣтно въ какомъ-нибудь закоулкѣ. Тогда Пармантье сталъ разводить драгоцѣнное растеніе на своихъ собственныхъ земляхъ. Первый годъ продавалъ онъ его шишки за безцѣнокъ; почти никто ихъ не покупалъ, каждый опасался употреблять въ пищу картофель, нѣкоторые считали его даже негоднымъ для скота. На второй годъ настойчивый другъ человѣчества сталъ раздавать свой картофель даромъ. Еще хуже,— никто его не бралъ. Тогда человѣколюбіе Пармантье возвысило его до геніяльности. Онъ огласилъ по деревнямъ, что будетъ преслѣдовать по всей строгости законовъ каждаго, кто осмѣлится занесть ногу на его картофельныя поля. Вскорѣ поля эти подверглись опустошенію, картофель получилъ достоинство

запрещеннаго плода, распространенiе его пошло быстро, а Пармантье плакалъ отъ радости, слушая донесенiя о разграбленiи своихъ полей».

Вотъ все, что̀ мы можемъ сказать о французскихъ общепонятныхъ сочиненiяхъ по части ботаники. Кто хочетъ получить серьёзное понятiе о наукѣ, тому не совѣтуемъ обращаться къ нимъ. Сами Французы, повидимому, сознаютъ это, переводя наконецъ *Растенiе и его жизнь* Шлейдена, отъ котораго имъ много, много досталось за неосновательность и поспѣшность въ заключенiяхъ. Къ этому-то сочиненiю Шлейдена мы и обращаемъ своихъ читателей, тѣмъ болѣе, что оно, какъ мы уже сказали, существуетъ на русскомъ языкѣ.

Въ этомъ превосходномъ сочиненiи авторъ не боится знакомить читателя ни съ тайнобрачными, ни съ внутреннею жизнью растенiй, ни съ растенiями древняго мiра. Всѣ существенные вопросы затронуты имъ. Показано значенiе микроскопа, значенiе прiемовъ и методовъ, употребляемыхъ въ наукѣ, и крупными чертами, въ самой привлекательной формѣ, изображено внутреннее и наружное строенiе растенiй.

Кромѣ сочиненiя Шлейдена, можно указать еще читателю, въ нѣмецкой популярной литературѣ, на ботаническiя книги Росмеслера. Онѣ легко и хорошо написаны, и притомъ заключаютъ въ себѣ много серьёзнаго. Ошибка, въ которую впадаетъ авторъ, состоитъ въ самомъ планѣ сочиненiй. Они, какъ намъ кажется, невѣрно задуманы.

Обратимъ, напримѣръ, вниманiе на хорошенькую книжечку, названную авторомъ: *Флора въ зимнемъ уборѣ* *.

Въ предисловiи авторъ говоритъ, что онъ не желаетъ сдѣлать изъ своей книги учено-популярнаго сочиненiя. Задача ея выше и труднѣе: *Она назначена на радость* (Es will erfreuen). «Радовать добрыхъ людей есть несомнѣнно высшая задача человѣка», говоритъ авторъ.

Далѣе авторъ увѣряетъ, что онъ ненавидитъ сентиментальность; намъ же кажется, что только одна крайняя сентиментальность и могла вложить человѣку въ голову странную мысль, что доставленiе радости, да еще помощью книги, есть высо-

* Flora im Winterkleide, von Rossmässler. Leipzig, 1854.

чайшая задача человѣка. Ужели г. Росмеслеру не пришла въ голову та простая мысль, что, напримѣръ, голоднаго бѣдняка надо сначала накормить, а потомъ справиться, не голодны ли еще его жена и дѣти, накормить и ихъ, потомъ постараться о будущемъ ихъ пропитаніи и о прочемъ, и тогда тогда уже можно предложить имъ книгу *на радость*.

Однакоже, не смотря на странное намѣреніе Росмеслера, онъ составилъ хорошенькую книгу, изъ которой читатель можетъ прекрасно познакомиться съ *пролетаріями растительнаго царства*, какъ ихъ называетъ авторъ. Это *лишайники*, *грибы*, *водоросли* и *мхи*. Послѣднія главы посвящены хвойнымъ и почкамъ, и хотя въ своемъ родѣ не дурны, но представляются отрывочными и не полными. Причина этому именно въ планѣ сочиненія. Еслибы авторъ просто взялся познакомить читателя съ главными чертами строенія и жизни растительныхъ семействъ, то и книга его была бы стройнѣе и полнѣе; а такъ какъ ему пришла въ голову странная мысль порадовать добрыхъ людей въ холодное зимнее время, то треть его книги вышла чѣмъ-то лишнимъ, какъ бы случайно придѣланнымъ.

Тѣмъ же грѣшатъ и остальныя сочиненія автора, какъ напримѣръ «Четыре времени года» [1], не смотря на большую обширность, сравнительно съ *Флорою въ зимнемъ уборѣ*.

Въ ошибку, подобную Росмеслеровой, впали многіе Нѣмецкіе писатели, очень дѣльные и серьёзные: таковъ, напримѣръ, Морицъ Вилькомъ, со своими во многихъ отношеніяхъ интересными «Чудесами микроскопа» [2]. Учебникъ этого ботаника можетъ служить съ пользою всякому. Онъ весьма ясно изложенъ и представляетъ науку въ томъ видѣ, въ какомъ она дѣйствительно находится въ новѣйшее время, за исключеніемъ нѣкоторыхъ новостей, открытыхъ послѣ изданія книги Вилькома.

Но и у Нѣмцевъ много есть такъ-называемыхъ популярныхъ сочиненій, отъ которыхъ слѣдуетъ остеречь читателя. Изъ по-

---

[1]) Die vier Jahreszeiten von E. A. Rossmässler, Gotha, 1856. Есть два изданія: народное и роскошное. Первое стôитъ дешевле и украшено только одною таблицей, вмѣсто четырехъ.

[2]) Die Wunder des Mikroskops oder die Welt im kleinsten Raume. Von M. Willkomm, Leipzig, 1856.

добныхъ назову популярную ботанику Шмидлина *. Толстая книга въ большую осьмушку, заключающая 700 слишкомъ страницъ сжатой нѣмецкой печати, пугаетъ съ перваго раза того, кто не намѣренъ спеціально предаться изученію ботаники. Изъ предисловія, такъ же какъ изъ разсмотрѣнія самой книги, явствуетъ, что г. Шмидлинъ желаетъ научить профановъ *основательно*. Съ этою цѣлью онъ позаботился главное о томъ, чтобы не было мудреныхъ терминовъ и чтобы читатель могъ легко опредѣлить *каждое* изъ многочисленныхъ растеній германской флоры. Не говоря объ общей части, которая написана весьма сухо, скучно и безталанно, занимая притомъ мéньшую часть сочиненія, обращаемся къ спеціальной.

Сначала идутъ длинныя разсужденія о *собираніи* и *сушеніи* растеній, за тѣмъ авторъ поучаетъ какъ опредѣлять растенія: какія части гдѣ искать и какъ за это приниматься.

Это рѣшительно невыносимо! Нѣмецъ безъ дарованія несноснѣйшій изъ педантовъ! Васъ хотятъ научить по книгѣ тому, чему можно научиться только на практикѣ: «Возьми между такимъ-то и такимъ-то пальцемъ предметъ, приложи къ нему лезвее хорошей англійской бритвы, наточенной у цирюльника, и рѣжь смѣло, но не быстро, къ себѣ, а не отъ себя...» Въ такомъ родѣ вся книга Шмидлина. Вы посмотрите два, три раза на дѣлѣ, сходите разъ пять на экскурсію съ опытнымъ человѣкомъ, и научитесь не только тому какъ приниматься за анализъ цвѣтка, плода и проч., но привыкнете даже къ любой латинской флорѣ, въ состояніи будете сами продолжать изслѣдованія, одни, безъ посторонней помощи; а г. Шмидлинъ и ему подобные считаютъ профановъ (Laien) какимъ-то тупоумнымъ народомъ, которому надо все вбивать въ голову, и притомъ съ величайшимъ усиліемъ, какъ плохо заостренный колъ. Въ этомъ убѣжденіи нашъ авторъ, послѣ толковъ о гербаріи и проч., предлагаетъ цѣлый большой отдѣлъ, состоящій изъ краткихъ характеристикъ германскихъ родовъ растеній. Затѣмъ слѣдуетъ еще большой отдѣлъ съ характерами видовъ. Но тутъ для большей легкости автору пришло въ голову раздѣлить растенія не по

---

* Populäre Botanik von E. Schmiedlin, Stuttgart 1857.

сходству ихъ организаціи, какъ то дѣлается въ каждой ботаникѣ, имѣющей претензію согласоваться съ природой, а по росту, по мѣсяцамъ, въ которые они цвѣтутъ, и по мѣстности, гдѣ растутъ!

Такое дикое и противоестественное раздѣленіе несомнѣнно ведетъ къ тому, чтобы сбить съ толку начинающаго и затруднить его до крайности.

Уже подъ конецъ г. Шмидлинъ вкратцѣ описываетъ естественныя семейства растеній по Рейхенбаху, котораго система кажется ему самою удобной. А между тѣмъ Рейхенбахъ считаетъ совершеннѣйшими растеніями померанцевыя, потому между прочимъ, что ихъ цвѣты пахнутъ лучше всѣхъ, а плоды —самые красивые и вкусные. Какъ бы онъ сталъ разсуждать съ тѣми, кто предпочитаетъ ароматъ фіалокъ или гвоздикъ аромату апельсиновъ и лимоновъ, а вкусъ персиковъ или клубники вкусу тѣхъ же померанцевыхъ!

Книга Шмидлина заканчивается 62-мя прехорошенькими иллюминованными картинками, на которыхъ, не смотря на мелкость изображеній, растенія и отдѣльныя части ихъ представлены весьма отчетливо. Къ несчастію и тутѣ авторъ перехитрилъ. Чтобы отыскать названія изображенныхъ растеній, читатель долженъ рыться по всей книгѣ: особыхъ объяснительныхъ таблицъ нѣтъ.

Этимъ мы закончимъ рѣчь о популярныхъ сочиненіяхъ по части ботаники: говорить обо всѣхъ нѣтъ ни возможности, ни нужды. Къ какому же пришли мы общему выводу? Кто хочетъ познакомиться съ ботаникой, тому слѣдуетъ взять хорошій учебникъ, а между популярными книгами истинно полезно только сочиненіе Шлейдена: «Растеніе и его жизнь», которое всегда можетъ быть прочтено съ пользою не только профаномъ, но и спеціалистомъ.

А. Бекетовъ.

НЕЗАТѢЙЛИВОЕ ВОСПИТАНІЕ.

Изъ записокъ А. Щ.

—

I.

Отецъ мой и мать были въ преклонныхъ уже лѣтахъ, когда я родился: отцу было за пятьдесятъ, матери за сорокъ. Я былъ послѣдній сынъ изъ числа многихъ дѣтей обоего пола. Родители мои не чувствовали уже радости при моемъ появленіи на свѣтъ, какую обыкновенно чувствуютъ при рожденіи первенцевъ. Они смотрѣли на меня какъ на новую обузу, которая свалилась имъ на шею. Первое воспитаніе мое началось, сколько я помню, на кухнѣ. Отцу и матери надоѣло уже слушать крики дѣтей, и потому отдали меня на попеченіе старухѣ Бабѣ Лисихѣ, которая смотрѣла въ то же время за курами, утками, индѣйками и гусями. Эта старуха одинаково была внимательна, какъ къ птицамъ, такъ и къ хозяйскимъ дѣтямъ. Попадалъ ли цыпленокъ въ лахань, или хозяйскій сынъ падалъ со скамейки на полъ, — она, съ тѣмъ же равнодушіемъ, перваго вынимала изъ лахани и бранила, зачѣмъ онъ туда лазилъ, а втораго поднимала съ полу и бранила, зачѣмъ онъ смирно не посидитъ на лавкѣ. Впрочемъ, это была предобрая старуха. Она перенянчила чуть ли не всѣхъ дѣтей у отца, и никогда никто не слышалъ отъ нея ни ропота, ни жалобъ, и служила притомъ она безъ всякаго жалованья. Подъ старость, разумѣется, ей надоѣло безпрестанно возиться съ дѣтьми.

Изъ оставшихся во мнѣ темныхъ воспоминаній о моемъ дѣтствѣ и изъ обычаевъ, существовавшихъ въ кругу людей самаго низкаго разряда, подъ надзоромъ которыхъ я находился въ дѣтскомъ возрастѣ, я о моемъ первоначальномъ воспитаніи могу вывесть заключеніе такого рода: по всей вѣроятности крики мои не нравились обитателямъ кухни. Чтобъ избавиться отъ нихъ и заставить меня молчать, они, по грубо-

сти своей, обыкновенно употребляли для этого самыя, по ихъ мнѣнію, невинныя средства, то-есть: когда я начиналъ плакать, мнѣ тотчасъ указывали на какое-нибудь насѣкомое, — муху, или таракана, и стращая говорили: смотри, вонъ коза! тотчасъ съѣстъ, если не перестанешь плакать! Когда же не попадалось на глаза ничего подобнаго, указывали на горшокъ, или на что̀ другое, говоря: перестань! а то вонъ горшокъ такъ и стукнетъ тебя по лбу! И когда увидѣли, что я всегда переставалъ послѣ этого плакать, то стали злоупотреблять этимъ средствомъ до излишества. Часто, уходя всѣ изъ избы и оставляя меня одного, чтобъ я не шалилъ въ это время и не плакалъ, говорили на прощанье: смотри, если будешь шалить, или плакать, то вотъ сковорода такъ и кинется на тебя! или на кочергу указывали, или стращали, что волкъ съѣстъ. Я дѣйствительно сталъ наконецъ бояться и горшка, и сковороды, и всякаго предмета, когда оставался одинъ въ кухнѣ. Когда сталъ я подростать, меня не только не избавляли отъ подобныхъ пустыхъ страховъ, но выдумывали еще новыя средства, чтобъ я боялся: стали пугать вѣдьмами, домовыми и прочими суевѣріями или выдумками народнаго остроумія. Отъ этого произошло очень естественно, что воображеніе мое во всемъ и вездѣ представляло мнѣ присутствіе невидимой силы, которая готова была преслѣдовать меня каждую минуту, и я сталъ вѣрить всѣмъ нелѣпостямъ безъ малѣйшаго сомнѣнія.

У насъ былъ большой фруктовый садъ; но дѣтямъ запрещено было рвать яблоки, а позволялось только собирать тѣ, которыя падали, — и то сперва надо было принести и показать отцу или матери. Такъ какъ я имѣлъ нещастіе вставать послѣ всѣхъ и находилъ обыкновенно всѣ яблоки уже подобранными, то однажды рѣшился сорвать одно и принесъ показать матери, говоря, что нашелъ его. Мать, посмотрѣвъ на яблоко, сказала: «Да ты это сорвалъ!» — «Нѣтъ, нашелъ» отвѣчалъ я. — «А постой, я пойду спрошу у яблони», молвила мать, и чрезъ минуту возвратясь, сказала: «Ну вотъ видишь, яблонь говоритъ, что ты сорвалъ». Послѣ этого, разумѣется, я уже долженъ былъ сознаться. Всѣ эти выходки очень забавляли, какъ родныхъ моихъ, такъ и всѣхъ домашнихъ. Они безпрестанно, то смѣялись надо мною, то стращали, желая постоянно держать меня въ подобномъ состояніи. Воображеніе мое стало наконецъ представлять мнѣ такія чудеса, что я самъ себѣ дивился. Однажды пришелъ я въ садъ и увидѣлъ за садомъ, на другой сторонѣ рѣчки, собаку. Прежде всего представился мнѣ вопросъ, что̀ еслибъ это былъ волкъ? а потомъ, что̀ еслибъ онъ рѣшился броситься въ рѣчку, переплыть на эту сторону, перелѣзть черезъ плетень сада и погнаться за мною? — И въ туже ми-

нуту бросился я со всѣхъ ногъ изъ сада, крича: «волкъ! волкъ!» — Отецъ, мать и всѣ домашніе перепугались, спросили: гдѣ? — «У насъ въ саду», отвѣчалъ я. — Хотѣли посылать за крестьянами. — Въ какомъ мѣстѣ? спросилъ отецъ. — «*Подъ яблонью, ѣстъ яблоки!*» Я и самъ не знаю, для чего я это сказалъ. Тутъ отецъ, замѣтивъ, что я что-нибудь совралъ, обратился къ матери и сказалъ ей: «Пойди посмотри, Маша, какой тамъ волкъ? — Однакожь Маша взяла на всякій случай и кучера съ дубиной. По приходѣ нашемъ въ садъ, спросила она: «Ну, гдѣ ты видѣлъ волка?» Я указалъ на первую, попавшуюся мнѣ на глаза, яблонь. — «Да ты совралъ? признайся!» сказала мать. — «Нѣтъ!» — Обошли весь садъ, волка нигдѣ не было. — Впрочемъ, я стоялъ на томъ, что волкъ точно ѣлъ въ саду яблоки. Въ другой разъ шелъ я вмѣстѣ съ сестрой по дорогѣ мимо лѣсу. Навстрѣчу намъ попался крестьянинъ нашей деревни, старикъ Абрамъ Власьевичъ, который шелъ изъ шинка домой. Онъ всегда ходилъ безъ шапки, въ одной сорочкѣ и исподнемъ, и подпоясывался ремнемъ, къ которому привѣшенъ былъ большой ножъ въ кожаныхъ ножнахъ. Мнѣ представилось, что это былъ разбойникъ: въ одну минуту бросился я въ чащу лѣса съ крикомъ: «разбойникъ!» и спрятался въ кустахъ. — Сестра погналась за мной, крича: «куда ты? куда ты?» И отыскавъ меня спросила: «чего ты испугался? вѣдь это Абрамъ Власьевичъ!» — Я и самъ зналъ, что это былъ Абрамъ Власьевичъ; но мнѣ казалось, что разбойникъ нарочно переодѣлся Абрамомъ Власьевичемъ, чтобъ удобнѣе зарѣзать насъ.

II.

Когда исполнилось мнѣ шесть лѣтъ, я зналъ уже русскую азбуку. Въ это время отецъ старался пріискать мнѣ какого-нибудь учителя, чтобъ *занялся моимъ образованіемъ*. — Но какъ мы жили въ деревнѣ, въ совершенной глуши, гдѣ не только учителя, но и грамотные люди были за рѣдкость, и какъ пріисканіе такого рода людей требовало денегъ, которыхъ у отца не было, то онъ и сталъ безпокоиться и хлопотать, чтобъ найдти человѣка, которому могъ бы навязать меня на шею, то-есть, чтобъ взялся содержать меня, кормить, поить посылать въ школу и смотрѣть за моимъ ученьемъ. Въ вознагражденіе за все это отецъ щедро предлагалъ — *бить меня, безъ всякой пощады, сколько душѣ угодно!* Но какъ онъ не могъ пріискать такого человѣка, то рѣшился сбыть меня съ рукъ зятю своему, купцу Алексѣеву, который былъ женатъ на старшей сестрѣ моей и жилъ въ городѣ К.... Замѣтивъ, что зять не умѣетъ искусно отговориться отъ

этого предложенія, онъ, сверхъ меня, взвалилъ ему на шею и сестру мою, которая была двумя годами старше меня. Странный былъ человѣкъ отецъ мой! Онъ былъ много лѣтъ управляющимъ въ имѣніи графа В...., привелъ въ совершенный порядокъ и устройство дѣла его, улучшилъ доходы его значительно, едва ли не втрое противъ прежняго, и могъ бы составить и себѣ обезпеченное состояніе; но желая выказать себя честнымъ передъ помѣщикомъ, онъ не рѣшался ни зачто въ свѣтѣ воспользоваться отъ него даже копѣйкою,— и лучше хотѣлъ быть въ тягость всякому бѣдному и трудолюбивому человѣку, навязать ему все свое семейство и самъ сѣсть ему на плечи, нежели повредить свою репутацію передъ помѣщикомъ, для того только, чтобъ какой-нибудь откупщикъ, или барышникъ сказалъ: «*Ахъ, какой добрый и честный человѣкъ* этотъ Семенъ Григорьевичъ!»

Такимъ образомъ отправили меня съ сестрою въ городъ К..., къ нашему зятю Никанору Агапьевичу. Онъ былъ очень не зажиточный человѣкъ и только что начиналъ торговать на свой небольшой капиталъ, имѣлъ маленькую квартиру и, кромѣ насъ, свое большое семейство. Однакожь онъ добросовѣстно принялъ меня съ сестрой на свое попеченіе, отдалъ насъ для обученія къ приходскому священнику,—и это было первымъ моимъ шагомъ на поприщѣ образованія. У священника, въ продолженіе года, выучилъ я краткій катехизисъ и нѣсколько молитвъ на латинскомъ языкѣ, то-есть: Pater noster... Deipara virgo... Miserere mei Deus... и Символъ вѣры, Credo in unum Deum... Все это зналъ я наизусть очень хорошо,—разумѣется, безъ всякаго пониманія смысла. Такъ, напримѣръ, я зналъ, что молитва *Отче нашъ* начинается по-латыни Pater Noster; но чтобъ Pater значило отецъ и noster — нашъ, — этого мнѣ и въ голову не приходило. Кромѣ того выучился я у священника читать довольно порядочно по-русски и даже по-латыни кое-какъ, писать и начальнымъ правиламъ ариѳметики. Къ несчастію торговыя дѣла зятя нашего, и прежде не завидныя, пришли еще въ большее разстройство. Сперва потерялъ онъ брата, съ которымъ вмѣстѣ торговалъ, а потомъ и самъ началъ расхварываться. Поэтому сестра моя просила отца взять насъ къ себѣ, впредь до поправленія ихъ обстоятельствъ. Вслѣдствіе этого я опять возвратился домой.

III.

Между тѣмъ въ городѣ К... я успѣлъ уже прославиться необыкновенною своею способностью вѣрить всякимъ нелѣпостямъ, и каждый старался поддержать во мнѣ этотъ талантъ, — вѣроятно потому, что

это доставляло каждому удовольствіе подтрунить надо мною. Сколько разъ, когда я приходилъ въ кухню, какой-нибудь прикащикъ обращался ко мнѣ съ подобными словами: «Ну вотъ смотри, я сдѣлаю, что ты не подойдешь къ этому столу», или: «что ты не дотронешься до этого подсвѣчника. — Ну, вотъ, подойди! — или: «ну, дотронься!» Разумѣется, я ни зачто на свѣтѣ не рѣшался ни къ столу подойдти, ни до подсвѣчника дотронуться — и послѣ долго не отваживался на это. Всѣ такимъ образомъ пользовались моею слабостью, находя въ этомъ забаву. Даже священникъ, учитель мой, и тотъ однажды жестоко подшутилъ надо мной: разъ какъ-то сестра моя сказалась больною, и Никаноръ Агапьевичъ велѣлъ ей остаться дома, а мнѣ и Варинькѣ, родственницѣ, жившей у него и вмѣстѣ съ нами же ходившей къ священнику, приказалъ идти учиться. Мы, выйдя изъ дома, стали разсуждать между собою, что сестра нарочно притворилась больной, чтобъ не учиться — и тутъ же сами рѣшились нейдти въ школу. А какъ и домой мы не смѣли вернуться, то и отправились за Московскія ворота, гдѣ, сѣвши между лавками, разговаривали, какъ мы хорошо сдѣлали, что не пошли въ школу. Варинька говорила: «Смотри какъ здѣсь весело! тутъ и булки продаютъ и зелень всякую, и народъ безпрестанно приходитъ и уходитъ, а тамъ, кромѣ книги, и смотрѣть никуда нельзя!» Наконецъ, когда мы разсудили, что пора возвратиться, отправились тихонько домой, и вдругъ навстрѣчу намъ кухарка наша, Акулина! «А гдѣ это вы были, голубчики?» спросила она. Мы отвѣчали, что изъ школы прошлись немного къ Московскимъ воротамъ. «Да врете! Вы въ школѣ совсѣмъ и не были! возразила она: ступайте-ка домой. Вотъ вамъ дадутъ школу!» Прежде всего, по приходѣ домой, меня высѣкли, а потомъ обоихъ насъ отправили къ священнику. Не знаю что̀ было съ Варинькой, а меня какъ только увидѣлъ священникъ: «А, дружище! сказалъ онъ, такъ ты обманывать! Погодижь, мы тебѣ покажемъ какъ обманываютъ. Эй! Матрена! разожги покрѣпче сковороду, мы посадимъ его да и поджаримъ!» — Кухарка тотчасъ отозвалась, что сковорода уже готова. — «Ну, раздѣвайте его и сажайте на горячую сковороду!» Тутъ я сталъ сражаться, какъ левъ, и противиться изъ всѣхъ моихъ силъ. Священникъ говорилъ: «Скорѣе, скорѣе раздѣвайте, пока сковорода горяча!» Хотя и кухарка, и всѣ тутъ бывшіе хохотали, не исключая самого священника, но я такъ твердо былъ убѣжденъ въ разожженіи сковороды, что еслибъ имъ удалось посадить меня, у меня навѣрное вскочили бы пузыри. Наконецъ священникъ спросилъ: «Не будешь впередъ обманывать?» — Не буду, отвѣчалъ я. — «Ну, смотри же! теперь прощаю, а впередъ берегись.»

Однажды, по приходѣ моемъ въ кухню, прикащикъ спросилъ меня:

«Хочешь, я привяжу твою голову къ стѣнѣ вотъ этимъ волоскомъ — и ты, сколько бъ ни рвался, никакъ не перервешь волоска?» Я ни за что на свѣтѣ не соглашался. Но другой мальчикъ, изъ лавки моего зятя, бывшій при этомъ и не знавшій фокуса, тотчасъ вызвался, говоря: «Ну, привяжи! посмотрю я, какъ не перерву.» Тутъ я въ первый разъ въ жизни увидѣлъ фокусъ: онъ состоялъ въ томъ, чтобъ одною рукой приложить ко лбу волосокъ, а кулакомъ другой руки стукнуть человѣка такъ, чтобъ въ головѣ затуманило! и потомъ, когда онъ опомнится, надобно сказать: *«а волоска-то вѣдь не перервалъ!»* Этотъ фокусъ такъ сильно поразилъ меня своимъ остроуміемъ, что я тутъ же хотѣлъ попробовать его надъ кѣмъ-нибудь. Первая попалась на дворѣ Варинька, и какъ для меня весь интересъ фокуса состоялъ въ томъ, чтобъ ударить какъ можно сильнѣе по лбу, я такъ сильно взмахнулъ кулакомъ, что не попалъ въ лобъ, а прямо въ носъ. Кровь полилась ручьемъ, Варинька закричала, всѣ выскочили. «Что такое? что такое?» и меня тутъ же высѣкли. Однакожь, не смотря на первый не удавшійся опытъ, фокусъ этотъ казался мнѣ до такой степени остроумнымъ, что я только о немъ и думалъ. Мнѣ думалось, что послѣ этого я уже *все* зналъ. По пріѣздѣ въ деревню, нѣсколько разъ порывало меня блеснуть имъ даже передъ отцомъ, но всегда какой-то страхъ удерживалъ отъ этого. Однакожь я не утерпѣлъ, чтобъ не показать его дѣвушкѣ, которая жила тогда у насъ: прислонилъ голову ея къ печкѣ, и на этотъ разъ такъ ловко потрафилъ ей въ лобъ, что у бѣдной слезы изъ глазъ выступили, и она была точно отуманена нѣсколько минутъ. Къ удивленію, добрая дѣвушка не разсердилась, а только-опомнившись, сказала мнѣ: «Ей, Богу, я думала, что головою печь проломила, такъ больно стукнули!» Но я тутъ же прибавилъ: —а вѣдь волоска-то не перервала!—«Стоило изъ-за этого такъ больно бить!» сказала она. Тутъ мнѣ самому стало совѣстно, и я никогда ужь болѣе ни надъ кѣмъ не повторялъ своего фокуса.

IV.

Въ деревнѣ, по обыкновенію, я долженъ былъ слушать въ одно время насмѣшки надъ собою родныхъ и всѣхъ домашнихъ, что вѣрю всякимъ нелѣпостямъ, и вмѣстѣ расказы ихъ о вѣдьмахъ, домовыхъ и прочихъ нечистыхъ силахъ, въ истинѣ которыхъ божились тѣ, кто расказывалъ. Такъ, напримѣръ, кухарка божилась, что ее три ночи къ ряду душилъ домовой. Кучеръ божился, что его однажды въ лѣсу обошелъ лѣшій, и сколько онъ ни старался идти прямымъ путемъ, все приходилъ къ одному и тому же мѣсту. Нѣкоторыя почтенныя женщины, въ томъ

числѣ и моя мать увѣряли и божились, что онѣ видѣли въ подлинникѣ самого чорта, то-есть, въ настоящемъ его видѣ, какъ онъ есть въ натурѣ: мать сказывала, что онъ былъ черномазый и курчавый. Когда онъ подошелъ къ ея кровати и дунулъ, она спросила: «къ добру, или къ худу?» онъ отвѣчалъ: къ худу, и въ тотъ же годъ умеръ братъ ея Елисей. Но если я, съ своей стороны, начиналъ что-нибудь расказывать, тотчасъ мнѣ зажимали ротъ словами: «Ну! опять волкъ пришелъ яблоки ѣсть!» Этого мало: когда пріѣзжали къ намъ гости, родители мои, чтобъ доставить имъ удовольствіе, расказывали на мой счетъ анекдоты: какъ волкъ кушалъ яблоки, какъ Абрамъ Власьевичъ хотѣлъ меня зарѣзать, и гости помирали со смѣху. Признаюсь, мнѣ очень прискорбно было переносить эти насмѣшки. Я слушалъ ихъ, скрѣпя сердце, Богъ знаетъ чтò бы готовъ былъ дать, чтобъ избавиться отъ нихъ: такъ безпощадно всѣ на мой счетъ гуляли! — Полагаю, что съ этого времени сдѣлался я скрытенъ: мнѣ легче казалось имѣть дѣло со всѣми нечистыми силами, нежели переносить подобныя насмѣшки. И потому я твердо рѣшился съ того времени, какія бъ чудеса ни увидалъ въ мірѣ, не говорить ни слова никому. Первое испытаніе было ужасно! Однажды, когда я хотѣлъ войдти въ садъ и взялся уже за ручку калитки, чтобъ отворить ее, какъ увидѣлъ направо въ корридорцѣ, образовавшемся между стѣною ледника и плетнемъ сада, горшокъ, или чугунъ, или не знаю чтò — и когда сталъ всматриваться, чтобъ узнать, чтò это такое,—этотъ горшокъ, или чугунъ, вдругъ бросился на меня! Въ одно мгновеніе влетѣлъ я въ садъ, пробѣжалъ шаговъ сто и упалъ отъ страха. Почти вслѣдъ за мною вошла мать, и я не сказалъ ни слова. Я былъ увѣренъ, что еслибъ расказалъ объ этомъ, то мнѣ бъ житья не было отъ насмѣшекъ. Немного погодя мать опять пошла изъ саду, я поплелся вмѣстѣ съ нею и нарочно, при выходѣ изъ калитки, смотрѣлъ въ корридоръ: никакого горшка и ничего совершенно не было! Послѣ этого, разъ нѣсколько, нечистая сила бросала въ меня цѣльными кирпичами. Я опять никому не сказалъ ни слова, и даже не испугался этого. А что это была дѣйствительно нечистая сила, я увѣренъ былъ потому, что никакой человѣкъ не въ состояніи былъ бросить кирпичъ на такое огромное разстояніе и такъ высоко.

V.

Отцу моему было очень непріятно возвращеніе мое въ деревню, хотя съ моей стороны вины въ томъ совершенно никакой не было. Чтобъ я не избаловался и не позабылъ чему учился у священника, онъ заставлялъ меня каждый день повторять выученное прежде. За-

давалъ мнѣ уроки изъ священной иторіи, заставлялъ ихъ вытверживать наизусть, и самъ всегда прослушивалъ. Кромѣ того, онъ упражнялъ меня въ ариѳметикѣ. Въ это время я окончательно выучился складывать, вычитать, множить и дѣлить, и даже нѣсколько познакомился съ именованными числами. При этомъ узналъ нѣкоторыя задачи, которыми отецъ любилъ пощеголять передъ знатоками. Напримѣръ: *Дано сто рублей и велѣно купить сто штукъ скота. Цѣна: быку десять рублей, коровѣ пять рублей, и теленку полтина. Сколько чего нужно купить?* Отецъ самъ показалъ мнѣ результатъ этой задачи, замѣтивъ, что у меня сталъ заходить умъ за разумъ надъ нею: вышло, что должно купить одного быка, девять коровъ и девяносто телятъ. Эта задача и нѣкоторыя другія были у отца не что иное, какъ *квинты-эссенціи*, которыми онъ любилъ похвастать подъ веселый часъ, и я эти *квинты-эссенціи* изучилъ очень рано. Признаюсь однакожь, что священная исторія меня страшно изнуряла. Каждый день я долженъ былъ вытвердить изъ ней заданное; безъ этого отецъ не выпускалъ меня изъ комнаты, и я часто приходилъ въ такое умственное безсиліе, что иногда цѣлый день, сидя за урокомъ, не могъ его одолѣть, а отецъ очень сердился за это. Между тѣмъ онъ не переставалъ хлопотать, чтобъ найдти человѣка, кому бы сдать меня на руки, то-есть, чтобъ онъ взялъ меня на свое попеченіе, содержалъ меня, пріискалъ бы мнѣ учителя и смотрѣлъ бы за моимъ ученьемъ, въ вознагражденіе за что просилъ пороть меня, безъ всякаго милосердія, сколько душѣ угодно! Но какъ поиски его оставались тщетными, и никто не рѣшался на предлагаемыхъ условіяхъ взять меня на свое попеченіе, то отецъ сталъ обращаться со мной очень сурово и очень непріязнено посматривать. Я боялся его до такой степени, что не въ силахъ даже передать этого чувства. Онъ почти безрестанно придирался ко мнѣ, чтобъ имѣть случай бранить: *баглай, кнуръ, дармоѣдъ!* вотъ слова, которыми онъ угощалъ меня почти каждый день. Однажды, не понимаю для чего, вздумалъ онъ послать меня за Ца́рину *, пасти свиней. Хотѣлъ ли онъ наказать меня за то, что я безъ всякаго вниманія учился, или думалъ, не имѣю ли какихъ особенныхъ дарованій быть свинопасомъ, или не хотѣлъ одолжаться деревенскими мальчиками, которые смотрѣли за его свиньями, рѣшительно не понимаю: только онъ довольно спокойно задалъ мнѣ поутру урокъ, чтобъ я

* *Ца́риною* называлось особенно огороженное мѣсто, гдѣ вдоль по горѣ тянулся крупный лѣсъ, а внизу горы протекала рѣчка Удава, по берегамъ которой простирались болота, обыкновенное пастьбище свиней нашей деревни; тутъ же, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ были и топи.

выучилъ, и велѣлъ идти за Ца́рину, говоря: тамъ ты и урокъ будешь учить, и посматривать на свиней, чтобъ не разошлись куда. Послѣ этого приказалъ выпустить свиней и дать мнѣ палку, чтобъ гнать ихъ на пастьбище. Я, безъ всякихъ размышленій, взялъ палку, захватилъ съ собой книгу и погналъ свиней, или лучше сказать, онѣ повели меня за Ца́рину, потому что онѣ дорогу туда знали лучше меня.

VI.

Между тѣмъ удалось наконецъ отцу найдти человѣка, который согласился взять меня на свое попеченіе, то-есть содержать меня, отдать въ школу и смотрѣть за моимъ ученьемъ. Это былъ секретарь земскаго суда города С... Владиміръ Васильевичъ С..., который, извѣщая отца о своемъ согласіи, писалъ къ нему въ то же время, чтобъ присылали меня прямо къ нему безъ церемоній, не откладывая вдаль этого дѣла. Отецъ былъ такъ радъ случаю наконецъ сбыть меня съ рукъ, что почти во все время, до самаго отъѣзда моего, не кричалъ на меня и предоставилъ мнѣ полную свободу ничему не учиться. Я сталъ бѣгать съ мальчиками по деревнѣ, игралъ въ шаро́вни и жадно прислушивался къ расказамъ про вѣдьму, которая портила коровъ, овецъ и весь почти скотъ въ нашей деревнѣ.

Здѣсь долженъ я объяснить, что какъ съ самаго дѣтства моего, почти до 14-лѣтняго возраста, находился я постоянно въ кругу людей, у которыхъ расказы о вѣдьмахъ, оборотняхъ и прочихъ нечистыхъ силахъ, предпочитались всему на свѣтѣ, и другихъ болѣе интересныхъ разговоровъ для нихъ не существовало, поэтому необходимо въ составъ моего воспитанія должно было войдти и ученіе о вѣдьмахъ. — Эта наука преподавалась мнѣ не въ систематическомъ порядкѣ, а такъ по-просту: что̀ каждый крестьянинъ, или каждая баба, или мальчикъ знали и слышали по этой части, все это пересказывали безъ всякихъ прикрасъ, съ полною увѣренностью, что ихъ всегда выслушаютъ охотно. И я такъ пріучился къ языку и выраженіямъ, употреблявшимся въ этихъ расказахъ, что часто одного намека достаточно было для меня, чтобъ понять вполнѣ все, что̀ пересказывалось. Напримѣръ, если мальчишка сказывалъ, что *его тетка увязла въ болотѣ* и если прибавлялъ къ тому, что *ее Вакулиха завела*, то для меня все становилось яснымъ и не требовалось болѣе никакихъ толкованій. Происхожденіе мѣстной «Вѣдьмологіи» всего лучше объяснить примѣромъ. Въ деревнѣ нашей была женщина, въ которой крестьяне подозрѣвали вѣдьму, но уличить ее не могли потому, что она искусно пратала концы въ воду и вела дѣла свои такъ мастерски, что

никто ничего не могъ сказать вѣрнаго. Но одинъ случай открылъ всѣмъ глаза и всѣ увѣрились, что она точно была вѣдьма. Однажды лѣтомъ поссорилась она крѣпко съ женщиной нашей же деревни, и въ ту же ночь явилась къ ней въ домъ черною кошкой, съ намѣреніемъ задушить въ люлькѣ сына ея. Къ счастью мужъ этой бѣдной женщины не спалъ въ это время и, замѣтивъ, что большая кошка крадется въ окно избы ихъ, притаился возлѣ окна и сталъ наблюдать, — и, когда кошка впрыгнула осторожно изъ окна на лавку, онъ вдругъ схватилъ ее за хвостъ и ударилъ со всего размаху головой объ уголъ скамейки, потомъ, приподнявъ, ударилъ опять головою о скамью и бросилъ съ размаху наполъ. — Но кошка вдругъ вскочила на ноги и выпрыгнула въ окно такъ быстро, что онъ даже удивился крѣпости и живучести ея. — Когдажь, на другой день по утру, у сказанной женщины голова оказалась разбитою, високъ проломленнымъ и лицо посинѣлымъ, и она сама, на вопросы крестьянъ о причинѣ ушибовъ ничего не отвѣчала и сильно смущалась: тогда всѣмъ уже сдѣлалось очевиднымъ, что она точно была вѣдьма! И съ того времени начали всѣ почти расказывать, какія пакости отъ нея прежде потерпѣли. У одной, послѣ ссоры съ этой женщиной, корова не стала доиться; у другой, тоже послѣ ссоры съ ней, куры перестали нестись; у третьей — индѣйки всѣ передохли; четвертая, въ ссорѣ съ нею, назвала ее неприличнымъ словомъ, и въ тотъ же день прикащикъ высѣкъ очень больно мужа ея, — никто даже и не зналъ, за что, и мужъ ничего не говорилъ: сколько ни спрашивали его, только и сказалъ: «*все это изъ-за тебя, чортова баба!*» Мущины были не лучше женщинъ. Одинъ увѣрялъ, что какъ только поссорился съ этой вѣдьмой, въ тотъ же день пойманъ былъ объѣзчиками съ корчемнымъ виномъ. У другаго, послѣ ссоры съ ней, въ тотъ же день опознана была краденая лошадь. Третій въ ссорѣ толкнулъ ее — и въ тотъ же день столкнулся на дорогѣ съ писаремъ земскаго суда, который взялъ съ него пять рублей за то, что избавилъ его отъ какого-то взысканія, а какого? Богъ его знаетъ. Даже Абрамъ Власьевичъ Асмоловъ, старикъ нашей же деревни, лѣтъ 90, о которомъ я упоминалъ выше, — и тотъ не избавился отъ бѣды. Эта женщина не могла ничѣмъ повредить ему въ хозяйствѣ, потому что все уже было пропито, — такъ сдѣлала пакость ему самому. Побранясь съ нею, Абрамъ Власьевичъ, въ продолженіи цѣлой ночи, не могъ дойдти изъ шинка до своего дома, тогда какъ на это требовалось времени не болѣе четверти часа. Вечеромъ, еще за-свѣтло, вышелъ онъ изъ шинка и колесилъ до самаго утра, и самъ даже не помнилъ гдѣ. Во всякое жь другое время онъ могъ, зажмурясь, дойдти изъ дому до шинка и об-

ратно. — Всѣ эти и другіе подобные имъ расказы, даютъ, кажется, ясное понятіе, какъ понимались вѣдьмы въ кругу тѣхъ людей. Хотя расказы про вѣдьму и интересовали меня сначала; но подъ-конецъ я вовсе потерялъ охоту слушать ихъ, потому что настало время отъѣзда моего изъ деревни въ городъ С..., и мнѣ тогда было уже не до нихъ.

Странное это чувство — любовь къ родинѣ! Я увѣренъ, что трудно найдти мѣсто болѣе угрюмое, дикое и негостепріимное, какъ деревня, гдѣ я родился. Представьте себѣ нѣсколько горъ, безобразно расположенныхъ. Между этими горами овраги, болота, трясины, и все это окружено лѣсомъ. Рѣчка *Удава*, текущая съ юга на сѣверъ, похожая болѣе на ручей, имѣла топи, въ которыя, если попадали лошадь, или другое животное, тутъ и погибали безслѣдно. На полдень отъ нашего дома, за садомъ и за рукавомъ рѣчки Удавы, которая была поднята высокою плотиной и образовала глубокій прудъ, была еще большая гора, покрытая сплошнымъ лѣсомъ, который былъ отчасти границею Великой Руси, и за нимъ начиналась уже Малороссія. Всѣ эти лѣса служили прежде притонами шайкамъ разбойниковъ, которые въ окрестностяхъ грабили проѣзжихъ. Потомъ, когда главные притоны, которые считались непроходимыми, были вырублены и населены крестьянами, то это мѣсто, или деревня, получило названіе: *Проходы* (малороссійское слово, означающее: *проходи*). Вотъ моя родина! Прибавьте къ этому, что самые крестьяне этой деревни были воры, мошенники, конокрады, корчемники, все, чтò вамъ угодно. Самыя названія мѣстностей, прилежащихъ *Проходамъ*, какъ-то: *Прикдлъ*, *Турья* и даже рѣчка *Удава*, въ которой я чуть было не утонулъ и былъ свидѣтелемъ утонувшаго въ ней мальчика-сосѣда, все это навѣвало такой холодъ, что у меня подъ-часъ кровь стынула. Но не смотря на все это, когда мнѣ объявили, что завтра меня отправятъ въ городъ С..., меня это извѣстіе поразило какъ громомъ. Тоска и грусть давили такъ сильно, чтэ въ день отъѣзда, отецъ, желая развеселить меня, спросилъ полушутя: «Чтò жь ты повѣсилъ голову? Развѣ не хочешь учиться? хочешь остаться дуракомъ?» Разумѣется, я отвѣчалъ, что хочу учиться и не хочу быть дуракомъ. Впрочемъ, со мной церемониться не стали. Не смотря на мои слезы, страданія, тоску при разставаньи съ родиной, отправили меня преспокойно въ тотъ же день въ городъ С... и сдали Владиміру Васильевичу съ рукъ на руки.

VII.

Теперь я долженъ объяснить причину, которая заставила секретаря земскаго суда Владиміра Васильевича С... рѣшиться на такой человѣколюбивый поступокъ, то-есть, чтобъ взять на свое содержаніе и попеченіе мальчика, совершенно ему чужаго, и воспитать его почти какъ сына. Этотъ поступокъ могъ бы сдѣлать честь даже и президенту филантропическаго общества!

У Владиміра Васильевича С... былъ сынъ, почти однихъ со мною лѣтъ, который имѣлъ такое сильное отвращеніе къ ученью, что его никакими средствами не могли заставить ходить въ школу къ приватному учителю Ивану Васильевичу Ш..., который въ то время почитался въ городѣ за очень знающаго и образованнаго человѣка. Владиміръ Васильевичъ имѣлъ съ сыномъ очень сильныя объясненія по этому случаю; говорилъ: «Если ты не хочешь учиться и желаешь остаться дуракомъ на всю жизнь, то ты ни на что больше не годенъ, какъ только свиней пасти. Говори прямо: хочешь ли ты быть порядочнымъ человѣкомъ, или свинопасомъ?»—Свинопасомъ, отвѣчалъ сынъ. — «Ну, хорошо, сказалъ Владиміръ Васильевичъ, скиньте съ него это платье и надѣньте на него мужицкій армякъ!» Одѣли его по мужицки. «Ну, дайте ему кнутъ!» и кнутъ подали. «А на голову надѣньте кулекъ изъ рогожи вмѣсто шапки», и это сдѣлали. «Ну, ступай теперь!» Сынъ отправился. Отецъ въ дверяхъ остановилъ его: «Постой! Ну, скажи, куда ты идешь?» — Свиней пасти, отвѣчалъ сынъ. Тутъ Владиміръ Васильевичъ, потерявъ всякое терпѣніе, схватилъ сына за волосы, повалилъ на полъ и сталъ таскать немило-сердо. Жена и мать прибѣжали и насилу уговорили его оставить мальчика до времени. Не извѣстно, посовѣтывалъ ли кто Владиміру Васильевичу, или онъ самъ придумалъ, найдти сыну товарища, съ которымъ бы онъ могъ ходить вмѣстѣ въ школу учиться, полагая, что вѣроятно онъ охотнѣе станетъ ходить вдвоемъ, нежели одинъ, и этотъ товарищъ — былъ я!

Дѣйствительно, по пріѣздѣ моемъ, на другой же день отправились мы вмѣстѣ въ школу, безъ всякихъ скандалезныхъ приключеній. Учитель, Иванъ Васильевичъ Ш..., принялъ меня, казалось, довольно ласково, спросилъ, чему я учился? Я сказалъ, что выучилъ краткій катехизисъ и началъ священную исторію, потомъ прочиталъ ему наизусть молитвы на латинскомъ языкѣ: Pater noster и другія. А когда онъ спросилъ объ ариѳметикѣ, я, къ несчастью, расхвастался свѣдѣніями своими по этой части: не только объявилъ, что знаю всѣ четыре правила и именованныя числа, но даже имѣлъ неосто-

рожность показать ему всѣ *квинты-эссенціи*, которымъ научилъ меня отецъ. Эти *квинты-эссенціи* сгубили меня! и я долго послѣ раскаявался, что упомянулъ объ нихъ.

Иванъ Васильевичъ казался изумленнымъ, когда я объяснялъ ему свои квинты, но не сказалъ ни слова. Онъ задалъ мнѣ урокъ изъ священной исторіи, къ счастію съ самаго начала, а я прежде заучилъ уже страницъ 20 слишкомъ, чего однакожь не успѣлъ ему высказать, и разумѣется, я въ тотъ же день вытвердилъ свой урокъ. Иванъ Васильевичъ удивился моей памяти. На другой день, первые два часа, я учился чтенію изъ латинскаго языка, а другіе два часа заданъ былъ урокъ изъ пространнаго катехизиза. Послѣ обѣда учились всѣ чистописанію. Такъ прошли недѣли три. Въ это время съ товарищемъ моимъ повторились раза два припадки отвращенія къ ученью. Но его, безъ церемоніи, приказали человѣку взять на руки и нести въ школу. Дорогой онъ рвалъ человѣка за волосы, крича «*пусти! пусти!*» Но человѣкъ тоже крича: «*ой! помилуйте! не смѣю!*» продолжалъ нести его до самой школы, которая была, впрочемъ, не далеко. Потомъ припадки эти уже не повторялись, и наше ученіе пошло обычнымъ порядкомъ.

Недѣли черезъ три Иванъ Васильевичъ приказалъ мнѣ на будущее время заниматься по очереди, первые два часа, одинъ день, священною исторіею, другой катехизисомъ, третій латинскимъ языкомъ, а послѣдніе два часа, каждый день, ариѳметикой. Я, признаюсь, думалъ, что ариѳметика была изучена уже мною вполнѣ, и мнѣ даже странно показалось, чему еще онъ станетъ учить меня? Въ назначенные часы Иванъ Васильевичъ взялъ аспидную доску и написалъ мнѣ задачу: *Нѣкто купилъ 12 саженъ дровъ 9-ти вершковыхъ по 7 р. 20 к., за сажень, и столько же, такого жь качества, 3-хъ четвертныхъ, по 8 р. 40 к. за сажень. Спрашивается сколько онъ получилъ выгоды при покупкѣ послѣднихъ дровъ, въ сравненіи съ первыми?* Я взялъ доску, сѣлъ и сталъ думать, что̀ мнѣ дѣлать съ этой задачею? Прежде всего выписалъ я всѣ числа, которые были въ задачѣ, написалъ ихъ одно подъ другимъ, сложилъ и подалъ учителю. Иванъ Васильевичъ, посмотрѣвъ, сказалъ: «Нѣтъ, это не то. Ты подумай хорошенько.» Я еще подумалъ: половину чиселъ написалъ особо и сложилъ, другую половину тоже особо сложилъ, потомъ изъ бо̀льшаго числа вычелъ мѐньшее и подалъ. Иванъ Васильевичъ посмотрѣлъ: «Нѣтъ, опять не то». Этимъ кончился первый день. Въ слѣдующій день Иванъ Васильевичъ, прослушавъ урокъ изъ священной исторіи, сказалъ: «Ну додѣлай же задачу.» Я началъ множить и дѣлить и вычитать на всѣ возможные манеры. «Все не то.» Въ слѣдующій день я еще

пробовалъ на нѣсколько новыхъ манеровъ складывать, вычитать, множить и дѣлить; но, какъ всегда получалъ одинъ и тотъ же результатъ: «*нѣтъ, не такъ*», то, признавъ задачу неразрѣшимою, пересталъ и думать о ней. На слѣдующій день я даже и не подходилъ къ учителю. При отпускѣ домой обѣдать, Иванъ Васильевичъ спросилъ: «А чтожь ты задачу?» — Не сдѣлалъ, отвѣчалъ я. — «Ты не смѣй мнѣ впередъ такъ отвѣчать, сказалъ Иванъ Васильевичъ, слышишь?» Но я и на слѣдующій день осмѣлился отвѣтить, что не сдѣлалъ. «Э! да ты съ норовомъ, я вижу», возразилъ Иванъ Васильевичъ. «Постой же, я съ тобой расправлюсь по своему.» Разложилъ меня и высѣкъ. На другой день послѣ этого онъ опять спросилъ про задачу и, получивъ въ отвѣтъ: «не сдѣлалъ», опять высѣкъ; на третій день — опять высѣкъ; на четвертый — опять высѣкъ... Такъ продолжалось недѣли съ двѣ. Послѣ чего Иванъ Васильевичъ, видя, что со мной такимъ образомъ не справится, оставилъ меня безъ обѣда, съ тѣмъ, чтобъ я разрѣшилъ задачу, — и послѣ обѣда, когда прочіе ученики занимались чистописаніемъ, мнѣ приказано было сидѣть надъ задачей, пока не разрѣшу. Но какъ я и тутъ не разрѣшилъ, онъ при отпускѣ, въ вечеру, опять высѣкъ. Въ слѣдующій день опять оставилъ безъ обѣда и опять высѣкъ. Такимъ образомъ продолжалось ученіе мое у Ивана Васильевича Ш... полтора года.

Въ послѣдніе четыре мѣсяца, передъ выходомъ моимъ изъ этой школы, Иванъ Васильевичъ сѣкъ меня изрѣдка, и даже какъ-будто не охотно: вѣрно усталъ наконецъ! Однакожь сохранялъ постоянно суровый и грозный видъ. Впослѣдствіи, когда я былъ уже въ уѣздномъ училищѣ, и слышалъ имя Іоанна Васильевича Грознаго, мнѣ казалось, что это говорили про моего учителя. Ибо я не могъ представить себѣ, чтобъ могъ быть еще другой Иванъ Васильевичъ Грозный, кромѣ того, у котораго я учился ариѳметикѣ.

(До слѣдующей книжки.)

РУССКАЯ БИБЛІОГРАФІЯ.

Литература Русской библіографіи. Опись библіографическихъ книгъ и статей, изданныхъ въ Россіи. Составилъ Григорій Геннади. Спб. 1858 г.

Указатель источниковъ для изученія Малороссійскаго края (сост. Ал. Лазаревскимъ). Выпускъ I. Спб. 1858 г.

Указатель къ статьямъ серьёзнаго содержанія, помѣщеннымъ въ русскихъ журналахъ прежнихъ лѣтъ. Изданіе Н. Бенардаки и Ю. Богушевича. Выпускъ I. Сынъ Отечества. (1812—1852.) Выпускъ II. Библіотека для чтенія. (1834—1854). Спб. 1858 г.

Библіографія интересна для немногихъ; она полезна только для ученыхъ; по сущности своей, она суха... Такъ разсуждаютъ нѣкоторые дѣльные библіографы *, и ихъ мнѣнія, какъ мнѣнія спеціалистовъ, даютъ большинству публики право смотрѣть подозрительнымъ взглядомъ на предметъ ихъ спеціальности и улыбкой сомнѣнія улыбаться, глядя на библіографическіе труды и изданія. Но именно эти мнѣнія заставляютъ насъ взяться за перо, чтобъ замолвить доброе слово о предметѣ, который такъ часто порицается.

Библіографія есть книгоописаніе. Задача ея — привести въ извѣстность и описать книгу или рукопись, другими словами, опредѣлить ея отдѣльное существованіе. Нѣкоторые идутъ дальше и полагаютъ, что сверхъ сказаннаго библіографъ обязанъ *опредѣлить качество* изданія, то-есть, если сочиненіе было издано нѣсколько разъ, сличить текстъ разныхъ изданій, подвести варіянты и представить луч-

---

* См. статью г. Р. Минцлофа въ Библіографическихъ Запискахъ, 1858 г., № 12: «Что такое библіографія и что отъ нея требуется»? и послѣсловіе къ вышеуказанной книгѣ г. Геннади.

шій текстъ или чтеніе, указать источники сочиненія, заимствованія, въ немъ находимыя, и т. д. Съ одной стороны, такія требованія частью выходятъ изъ ближайшей задачи библіографіи и необходимымъ образомъ предполагаютъ въ библіографѣ критическій талантъ и спеціальныя знанія, что̀ на самомъ дѣлѣ не всегда можно встрѣтить; но съ другой стороны, нельзя не сознаться, что снабженное такими замѣтками библіографическое описаніе много выигрываетъ: поэтому, не требуя ихъ отъ всякой росписи, какъ требуемъ отъ нея отчетливости и полноты, мы никакъ не вправѣ назвать ихъ лишними и неумѣстными въ каталогѣ. Библіографія вызывается движеніемъ литературы и науки, потребностью знать что̀, когда и кѣмъ было писано и печатано, гдѣ что̀ хранится, куда обращаться за источниками для ученыхъ работъ. Это — значеніе библіографіи, какъ знанія вспомогательнаго; въ такомъ смыслѣ она необходима для всѣхъ наукъ, такъ какъ всякому ученому необходимо знать по крайней мѣрѣ бо̀льшую часть сочиненій въ области спеціальныхъ его занятій. Напротивъ того, незнакомство съ литературою библіографической можетъ быть причиной важныхъ ученыхъ ошибокъ, можетъ вызвать безполезное изслѣдованіе по предмету, о которомъ прежде было писано съ бо̀льшимъ успѣхомъ, можетъ породить пропуски, непростительные въ серьёзномъ трудѣ, и — что̀ всего хуже — есть корень невѣдѣнія литературной исторіи народа. Все это чувствуется въ нашей литературѣ: правда, наша книжная старина начинаетъ помаленьку разработываться, но сколько разъ выдавалось у насъ за новость то, о чемъ было обстоятельно писано много лѣтъ тому назадъ въ какой-нибудь старой книгѣ, въ забытомъ нумерѣ давнишняго журнала, сколько разъ наши изслѣдователи являлись до-нѐльзя отсталыми относительно Западной науки! И все это оттого, что наши ученые подчасъ не знакомы со своей наукой библіографически. Въ свою очередь, и съ публикой бываютъ наивные промахи: она превозноситъ новое сочиненіе, простодушно не вѣдая, что тотъ же предметъ обстоятельнѣе изложенъ былъ другимъ писателемъ. Не таковъ библіографъ: онъ стоитъ на сторожѣ всей литературы и знаетъ всѣ ея явленія; какъ чичероне въ могильномъ склепѣ указываетъ какой гдѣ спитъ покойникъ и говоритъ, что̀ онъ оставилъ по-смерти, — такъ библіографъ знаетъ исторію всѣхъ книгъ и мѣсто ихъ храненія. Каждой наукѣ отдѣльно библіографія подаетъ важную помощь; она же связываетъ всѣ науки между собой, служа проводникомъ изъ области одной въ другую. Мало того: она сводитъ итоги всѣхъ книгъ и является статистикой литературы и слѣдовательно внѣшнимъ мѣриломъ внутренней жизни народа во все его существованіе или же въ какой-нибудь

извѣстный періодъ. Кто хочетъ въ краткомъ обзорѣ ознакомиться съ нравственнымъ движеніемъ какой-нибудь эпохи, тотъ съ пользою можетъ просмотрѣть подробную библіографическую роспись книгъ этой эпохи: здѣсь передъ нимъ очевидные акты, онъ увидитъ, на какой предметъ обращено было особенное вниманіе умовъ, къ какимъ писателямъ была особенно благосклонна публика, потому что найдетъ счетъ томовъ по каждой отрасли, счетъ изданій каждой книги. Это — высшее значеніе библіографіи; тутъ она является самостоятельною наукой; въ такомъ смыслѣ она можетъ быть любопытна для всякаго образованнаго человѣка. Библіографія дѣлается мѣриломъ литературной производительности только тогда, когда всѣ, или почти всѣ, книги какой-нибудь литературы отмѣчены въ библіографическихъ лѣтописяхъ. Трудно достигнуть этой полноты: сколько частныхъ, кропотливыхъ изысканій, сколько неудовлетворительныхъ еще попытокъ общаго свода должно сдѣлать прежде, чѣмъ появится полная, хорошая роспись; а между тѣмъ литература обогащается новыми пріобрѣтеніями, и библіографъ долженъ ихъ заносить въ свои каталоги... Какъ и во всѣхъ знаніяхъ, мы не далеко ушли и въ библіографіи. Лучше всего подтверждаетъ наши слова книга г. Геннади, съ которою мы намѣрены познакомить читателей. Заглавіе ея уже отчасти опредѣляетъ ея содержаніе. Слѣдующія слова предисловія еще болѣе уясняютъ его: «Цѣлью труда моего было приведеніе въ извѣстность и указаніе въ систематическомъ спискѣ по возможности *всего, что̀ печатано въ Россіи по предмету библіографіи*, въ книгахъ, брошюрахъ и статьяхъ въ журналахъ и газетахъ. Разумѣя значеніе библіографіи въ обширномъ смыслѣ, какъ *книговѣдѣніе*, или книгознаніе, и по смыслу названія, какъ *книгоописаніе*, я указалъ какъ статьи объ этомъ предметѣ, такъ и всѣ собственно библіографическіе труды, то-есть всякаго рода каталоги или списки книгъ и статей и словари писателей, въ какомъ бы объемѣ и видѣ они ни являлись. Кромѣ произведеній по преимуществу и существенно библіографическихъ, я постарался исчислить всѣ труды русскихъ библіографовъ, содержаніемъ своимъ подходящіе подъ вѣдѣніе библіографіи, понимаемой въ обширномъ смыслѣ. Такъ я указываю книги или статьи, имѣющія предметомъ во-первыхъ исторію книжнаго производства въ древности и книгопечатанія, во-вторыхъ описаніе и исторію библіотекъ, въ-третьихъ торговлю книгами и библіофильство, библіоманію, и наконецъ извѣстія о русскихъ библіографахъ, типографахъ *.» Цѣль обширная, и

* Читатели замѣтятъ отсутствіе трудовъ по русской палеографіи; эти труды составятъ предметы другаго списка г. Геннади.

должно сказать, что она достигнута прекрасно. Нѣсколько пропусковъ и промаховъ не уменьшаютъ достоинства «Описи». Списокъ г. Геннади раздѣленъ на тринадцать отдѣловъ и подведенъ подъ одну нумерацію, въ каждомъ отдѣлѣ, сочиненія расположены въ хронологическомъ порядкѣ ихъ появленія; къ нѣкоторымъ особенно замѣчательнымъ статьямъ присоединены объяснительныя примѣчанія; въ концѣ книги приложенъ списокъ всѣхъ трудившихся на поприщѣ отечественнаго книговѣдѣнія (числомъ 256 человѣкъ) и помѣщено послѣсловіе, въ которомъ представлены результаты описанія. Эта часть книги заключаетъ въ себѣ краткій, но любопытный обзоръ современнаго состоянія русской библіографіи *. Мы сказали уже, что она молода; тѣмъ не менѣе, прослѣдивъ постепенное появленіе трудовъ по этой части, можно замѣтить какъ мало-по-малу они разрастаются, увеличиваются въ числѣ, выражаютъ все болѣе и болѣе строгія и дѣльныя требованія и, по мѣрѣ своего улучшенія, становятся полезнымъ подспорьемъ трудовъ ученыхъ и литературныхъ. Мы еще не имѣемъ полной росписи доселѣ изданныхъ русскихъ книгъ, но имѣемъ нѣсколько частныхъ списковъ по разнымъ отраслямъ знаній (списокъ книгъ по морскому дѣлу, списокъ граматикъ русскаго языка, литературу ботаники), —списковъ весьма отчетливо составленныхъ. Еще нѣтъ у насъ общаго списка статей во всѣхъ нашихъ періодическихъ изданіяхъ, но есть два, три прекрасныхъ и подробныхъ указателя, преимущественно статей о Россіи, помѣщенныхъ въ «Сѣверномъ Архивѣ», Отечественныхъ запискахъ» Свиньина, «Москвитянинѣ» и проч. Нѣкоторыя описанія нашихъ библіотечныхъ сокровищъ, напр. Описаніе славянскихъ и русскихъ рукописей Румянцевскаго музея, составленное А. Х. Востоковымъ, Описаніе восточныхъ рукописей Публичной Библіотеки, составленное академикомъ Дорномъ, могутъ быть названы образцовыми. Текущая литература съ 1856 года подробно описывается въ «Библіографическихъ листкахъ», составляемыхъ при петербургской Публичной Библіотекѣ; московскія «Библіографическія Записки» дали нѣсколько прекрасныхъ частныхъ изслѣдованій о старыхъ и рѣдкихъ русскихъ книгахъ; словомъ, въ настоящее время наша библіографія процвѣтаетъ, и это подаетъ надежду на успѣхъ ея въ будущемъ. Поприще ея широко, и работы на немъ много: библіографы наши должны пересмотрѣть прежнія работы по книговѣдѣнію, извлечь изъ нихъ всѣ дѣльныя свѣдѣнія, дополнить и исправить ихъ, продолжать ихъ соби-

* Изъ послѣсловія г. Геннади мы заимствуемъ предложенныя здѣсь замѣтки о современномъ состояніи нашей библіографіи и отчасти даже выражаемся словами составителя «Описи».

раніе и такимъ образомъ мало-по-малу приближаться къ осуществленію полной и всеобщей росписи русскихъ книгъ по всѣмъ отраслямъ литературы. Этотъ трудъ требуетъ много времени и много рукъ, и потому хорошо было бы, еслибъ для него соединились лучшіе и дѣятельнѣйшіе наши библіографы. «Частными же трудами, говоритъ г. Геннади, пусть разработываются отдѣльныя части исторіи литературы на основаніи библіографическихъ розысканій, пусть отыскиваются неизвѣстные факты и произведенія писателей и подготовляются матеріалы для полныхъ изданій сочиненій ихъ, пусть разъясняются сомнѣнія и ошибки въ прежнихъ показаніяхъ, составляются специальные списки, указатели книгъ и журналовъ, каталоги библіотекъ, описываются рѣдкія и неизвѣстныя книги.»

Какъ бы въ осуществленіе этихъ словъ, появились въ Петербургѣ два полезные библіографическіе труда, названные нами въ заглавіи рядомъ съ книгою г. Геннади. Изданіе г. Лазаревскаго раздѣлено на три выпуска: въ первомъ, нынѣ вышедшемъ, заключается перечень источниковъ, изданныхъ въ Россіи, на русскомъ языкѣ; во второмъ будутъ помѣщены статьи губернскихъ вѣдомостей и полное, по возможности, указаніе рукописныхъ матеріаловъ; въ третьемъ—источники иностранные. Сочиненія исчисляются въ хронологическомъ порядкѣ ихъ появленія: такое расположеніе принято составителемъ потому, что облегчаетъ изученіе источниковъ и показываетъ постепенную обработку ихъ. «Исчисляя книги и журнальныя статьи, говоритъ г. Лазаревскій, я ограничиваюсь выпискою однихъ заглавій, и дѣлаю исключенія лишь при тѣхъ сочиненіяхъ, заглавія которыхъ не опредѣляютъ вполнѣ содержанія ихъ. Во второмъ выпускѣ, при недоступности для большинства губернскихъ вѣдомостей, содержаніе статей и памятниковъ изложено будетъ по возможности полно.» Это замѣчаніе, вѣроятно, относится и къ рукописямъ; въ такомъ случаѣ наука пріобрѣтетъ въ указателѣ г. Лазаревскаго драгоцѣннѣйшій матеріалъ. Впрочемъ и первый выпускъ, составленный чрезвычайно тщательно, безъ сомнѣнія будетъ принятъ съ благодарностью занимающимися малороссійскою исторіей. При обширности его указаній, много любопытнаго найдутъ здѣсь и тѣ, которые изучаютъ общую исторію Россіи, русскую этнографію и археологію.

Болѣе широкая рамка опредѣляетъ предметъ, котораго библіографическое обозрѣніе представляетъ изданіе гг. Бенардаки и Богушевича. Они предприняли трудъ, въ которомъ давно чувствовалась необходимость. Въ началѣ нашей статьи мы сказали, что въ русскихъ журналахъ погребено много отдѣльныхъ изысканій и матеріаловъ для русской науки и что изученіе ихъ необходимо всякому русскому уче-

ному. Помочь этому изученiю, перечислить русскiе ученые труды, помѣщенные въ журналахъ, предприняли гг. Бенардаки и Богушевичъ. Они ограничивались голословнымъ перечнемъ однихъ заглавiй статей, не излагая ихъ содержанiя. По словамъ издателей, подробный указатель, съ изложенiемъ содержанiя статей, во-первыхъ потребовалъ бы отъ составителей много смѣлости и увѣренности въ своихъ знанiяхъ и сужденiяхъ, а во-вторыхъ занялъ бы много времени. Первый аргументъ дѣйствителенъ, но второй, по нашему мнѣнiю, никуда не годится. «Надо было бы, говорятъ издатели, прочесть болѣе или менѣе внимательно всѣ статьи, вносимыя въ указатель, слѣдовательно большую часть каждой книжки указываемаго журнала, цѣлыя сотни составляющихъ его томовъ! Всякiй согласится, что такого рода дѣло для одного только журнала поглотило бы цѣлые годы, а для многихъ, всѣхъ журналовъ цѣлые десятки лѣтъ, чуть не сотни.» Если наша наука и дѣйствительно нуждается въ указателѣ журналовъ и высказывала эту необходимость, она никакъ не налагала ея исполненiя именно на гг. Бенардаки и Богушевича; если гг. Бенардаки и Богушевичъ не могутъ жертвовать на свой трудъ столько времени, сколько надо, чтобы сдѣлать его вполнѣ удовлетворительнымъ, то это обстоятельство еще не оправдываетъ ихъ передъ лицомъ науки. Съ другой стороны, въ какой степени необходимо изложенiе содержанiя *всѣхъ* статей серьёзнаго содержанiя, помѣщенныхъ въ журналахъ? По нашему мнѣнiю, тутъ должно отличать статьи, касающiяся Россiи (въ какомъ бы то ни было отношенiи), и статьи, трактующiя о какомъ-нибудь вопросѣ безъ отношенiя къ нашему отечеству. Первыя чаще предлагаютъ самостоятельныя изслѣдованiя или, по крайней мѣрѣ, содержатъ въ себѣ матерiалы для будущихъ изыскателей; изъ вторыхъ только немногiя составляютъ прочныя прiобрѣтенiя въ наукѣ, и тѣ безъ сомнѣнiя появились въ видѣ отдѣльно изданныхъ книгъ: статьи втораго разряда большею частью суть поверхностные обзоры своего предмета, составленные по иностраннымъ источникамъ, имѣющiе компилятивный характеръ, любопытныя и полезныя въ свое время (какъ средство для распространенiя знанiй), иногда прекрасно написанныя, но теперь, по прошествiи десяти или болѣе лѣтъ, едва ли сохранившiя свою важность. Наконецъ, оставимъ имъ и это значенiе, — но неужели желающiй познакомиться съ какой-нибудь отраслью знанiй не найдетъ ничего лучше, какъ обратиться за свѣдѣнiями къ журналамъ 20-хъ, 30-хъ и 40-хъ годовъ, и неужели ему такъ легко будетъ отыскать нумера и полные годы старыхъ нашихъ перiодическихъ изданiй? Сомнѣваемся. Поэтому-то мы полагаемъ, что для статей, касающихся Россiи, необходимо изложенiе содержанiя, хотя бы на первый разъ и не полное, не удовлетворительное, составленное не

спеціалистомъ, безъ критической оцѣнки (которая собственно и не дѣло библіографа), а для статей общаго научнаго содержанія можно довольствоваться голословнымъ спискомъ заглавій, можно даже и совершенно не исчислять ихъ, потому что, какъ мы уже сказали, едва ли этотъ перечень будетъ имѣть практическое примѣненіе. Такая внѣшняя несоразмѣрность частей въ указателѣ будетъ замѣняться соразмѣрностью внутреннею... Гг. Бенардаки и Богушевичъ разсуждаютъ иначе и представили голословный списокъ всѣхъ статей ученаго содержанія, но они говорятъ, что готовы сдѣлать измѣненія во второмъ изданіи указателя, если таковое состоится; быть-можетъ осуществятъ они тогда желаніе, которое мы высказали. Теперь же будемъ имъ благодарны и за то, что они намъ дали. Въ каждомъ указателѣ всѣ статьи раздѣляются на отдѣлы по наукамъ; каждый отдѣлъ расположенъ въ группы по содержанію, послѣдовательно, въ связи одной группы съ другою; напримѣръ: въ отдѣлѣ словесности слѣдующія группы: языкознаніе, теорія словесности, общая литература, начиная съ древней, переводы классическихъ писателей, литература русская и литература восточная, и т. д. Въ концѣ каждаго указателя приложенъ алфавитный списокъ сотрудниковъ. Кромѣ статей собственно ученыхъ, въ указатель внесены значительнѣйшіе критическіе разборы; напротивъ того, изъ состава журналовъ опущены (что̀ отчасти видно изъ заглавія): произведенія изящной словесности, политика, фельетонъ и новости. Такой выборъ въ основаніи своемъ справедливъ, хотя и допускаетъ нѣкоторый произволъ при осуществленіи; но мы полагаемъ, что слѣдовало вносить въ указатель даже и мелочи, касающіяся Россіи. Что и они могутъ пригодиться доказываетъ, напримѣръ, слѣдующее: въ «Сынѣ Отечества» 1839, № 10, объявлено о статьяхъ, приготовленныхъ для этого журнала на 1840 годъ. Въ числѣ ихъ названа статья А. С. Грибоѣдова «*О торговлѣ* (должно быть Россіи) *съ Азіею*». Статья помѣщена не была, гдѣ она находится — не извѣстно, но для библіографа важно одно указаніе на ея существованіе. Трудъ свой издатели весьма разумно начали съ журналовъ послѣдняго времени на томъ основаніи, что литература послѣднихъ 25-ти лѣтъ имѣетъ ближайшее отношеніе къ нынѣшней. Такъ теперь вышли указатели къ «Биліотекѣ для Чтенія» и «Сыну Отечества» и готовятся указатели къ «Московскому Телеграфу», «Московскому Наблюдателю», и проч. Вышедшіе указатели составлены вообще удовлетворительно. Небольшое введеніе къ каждому изъ нихъ заключаетъ въ себѣ краткій, но отчетливый очеркъ исторіи журнала. Кое-гдѣ попадаются пропуски, но мы о нихъ не будемъ говорить, какъ не говорили о пропускахъ у гг. Геннади и Лазаревскаго. Въ журналѣ не спеціяльно

библіографическомъ не мѣсто частностямъ библіографіи. Притомъ же указатель г. Лазаревскаго вызвалъ замѣчанія г. Срезневскаго въ «Извѣстіяхъ II отд. Имп. Академіи Наукъ», а указатель гг. Бенардаки и Богушевича, какъ мы слышали, будетъ предметомъ подробнаго разбора въ «Библіографическихъ Запискахъ». Вѣроятно, появятся замѣчанія и на книгу г. Геннади.

Въ заключеніе прибавимъ, что внѣшность всѣхъ трехъ изданій — красива.

М.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

О ПРЕПОДАВАНІИ СЛОВЕСНОСТИ ВЪ СРЕДНИХЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЯХЪ. **Н. Н. НЕКРАСОВА.**
ПОПУЛЯРНЫЯ СОЧИНЕНІЯ ПО ЧАСТИ БОТАНИКИ. . . . . **А. Н. БЕКЕТОВА.**
НЕЗАТѢЙЛИВОЕ ВОСПИТАНІЕ. Изъ записокъ . . . . **А. Щ.**
РУССКАЯ БИБЛІОГРАФІЯ. . . . . **М.**

Являясь еженедѣльно книжками, отъ *трехъ* до *пяти* листовъ въ каждой, АТЕНЕЙ будетъ сообщать:

1. Критическіе и библіографическіе обзоры замѣчательнѣйшихъ произведеній отечественной и иностранной литературы;
2. Хронику важнѣйшихъ новостей въ общественной и государственной жизни современныхъ народовъ,
и 3. Статьи историческаго содержанія, записки (mémoires), путешествія, разказы, литературныя замѣтки, ученыя и художественныя извѣстія.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

ВЪ МОСКВѢ
Въ конторѣ *Атеней*, при книжномъ магазинѣ Н. Щепкина и Комп., на Лубянкѣ, въ домѣ Сысалина, и у книгопродавцевъ: Ѳ. О. Свѣшникова, въ домѣ университетской типографіи, и И. В. Базунова, на Страстномъ бульварѣ, въ домѣ Загряжскаго.

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ
У книгопродавца С. А. Базунова, на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ г-жи Энгельгартъ.

ВЪ ПАРИЖѢ
Въ конторѣ Русскаго Агентства газеты Le Nord, boulevard de la Madelaine, 5.

Иногородные благоволятъ адресоваться въ контору *Атенея*, въ Москвѣ.

Цѣна годовому изданію, состоящему изъ 52-хъ книжекъ, *десять* рублей, съ пересылкою *одиннадцать рубл. съ полтиною*.

Печатать дозволяется. Октября 25-го, 1858 года.

Цензоръ *Н. Фонъ-Крузе*.